ПИОНЕР

Ученическая
библиотека

16

ИЗД-ВО ЦКВКП/б/„ПРАВДА" 1933

РЗФ

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР № 16

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

Август 1933

Подхватывайте песню дозорных урожая

УРОЖАЙКА

Эту песню написал поэт Сергей Третьяков 27 августа 1933 г. на слете молодых охранителей полей на Северном Кавказе в Аполлонской МТС. Она поется на мотив „По долинам, по загорьям"

Стерегут поля и гряды,
Чтобы враг и вор не лез,
Пионерские отряды
Аполлонской МТС.
Пусть бы нас палило солнце,
Пусть холодный дождь хлестал,
Пионерам-аполлонцам
Уходить нельзя с поста.
Враг, ты враг, на нас не каркай,
Нам бедой не угрожай,
На колхозных стогектарках
Наш товарищ — Урожай.

Мы пропалывали озимь,
Разнося сорняк в кусты,
Мы на табор воду возим,
Собираем колоски.
Двинем красные обозы,
Пятилетке нужен хлеб,
Большевистские колхозы
Будут жить по всей земле.
Мы что день, то крепче стали,
Враг что день, то глубже вниз.
Нас ведет товарищ Сталин
По дороге в коммунизм.

НАЧИНАЕТСЯ ЗАЖИТОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Письмо писателя Степана Злобина из колхоза „Красный таманец"

Среди полей маленькая станция. Возле станции огромное село—станица — раскинулось широко по берегу Кубани.

В автомобиле политотдела МТС проезжаем по станице.

Сквозь яркую богатую зелень, сквозь тяжелые ветви, покрытые спелыми яблоками, грушами, сливами, белеют мазаные соломенные хатки.

Среди мясистой зелени краснеют помидоры... Дальше—бахча: дыни, арбузы, тыквы... И снова домики — это уже не станица, а хутор. Прежде—хутор господина Могукорова, теперь же колхоз «Красный таманец». Когда богатые казаки шли в белые банды, «иногородние», хуторные уходили в красноармейские и красные партизанские части. С хутора Могукорова крестьяне ушли в таманские войска. Их поход показан Серафимовичем в книге «Железный поток»...

С 1930 г. здесь организовался колхоз. Кулаки и подкулачники боролись против колхоза, старались его подорвать всеми средствами.

Колхоз дрался за жизнь, держался. Нехватало только богатого урожая, чтобы он окончательно окреп.

И вот урожай пришел. Вот он ввалился тяжелый, тучный на поля, в огороды, сады, на бахчи. Вот он повис на ветвях, закачался богатым колосом, пополз между гряд арбузов и дынь...

15 августа «Красный таманец» закончил хлебосдачу государству, ссыпал семенной, страховой и фуражный фонды. Колхоз пришел к старту одним из первых по Северокавказскому краю.

Колхозники горды своей победой.

— Теперь заживем!— говорят они.

— Недаром боролись! — восклицают другие.

А борьба была жаркая: на работу выходили все.

— У нас нет домохозяек, — с гордостью говорят колхозники,—у нас все работают в степи.

В самом деле. Для грудных детей у них ясли на сто детей. Для детей от пяти лет — площадка на 140 человек. Старшие — в пионерском отряде. Эти уже работают отчасти в бригаде по уборке, где отмечены как ударники, отчасти же по охране урожая и по сбору колосков...

Иждивенцев-стариков и инвалидов нет, старики не просят помощи у колхоза — они сами себе зарабатывают сбором с полей утерянного колоса.

В двадцатых числах августа пионеры «Красного таманца» вызвали стариков и старух на соревнование по сбору колоса.

Чтобы добиться лучшего урожая, таманцы по четыре-пять раз пололи все культуры день и ночь, в любую погоду... Развернули соревнование, ударничество... С марта месяца готовили косилки, вилы, грабли...

Сев закончили досрочно. По весеннему севу буксировали еще соседний колхоз. За все лето не знали устали, некогда было и болеть...

Зато теперь колхозники с удовлетворением подсчитывают свои трудодни.

Лучшие работящие семьи получат по 4—5—5½ тонн зерна и по 2—2½ тысячи рублей деньгами...

— А овощей?— спросил я председателя.

Председатель усмехнулся с гордостью:

— Овощей? По потребности. Кому сколько надо...

— Приезжайте к нам через год, посмотрите, что будет. Не узнаете колхоза!—обещают колхозники.

— Теперь заживем. Теперь поработаем...

«Красный таманец»—не единственный колхоз. На Северном Кавказе таких сотни.

Ст.

34

Комсомол на-страже советских морей

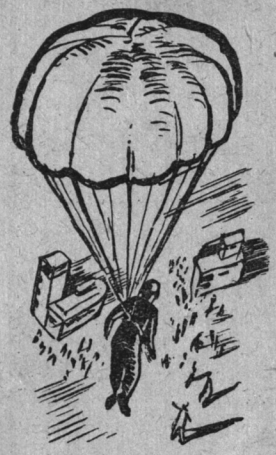
Литография Н. Н. К[illegible]реянова *с выставки „15 лет Красной армии"*

КЛЯНЕМСЯ, БУДЕМ ПЕРВЫМИ В СТРОЮ, В БОЮ, В ТРУДЕ

Высоко в небе блестит крыло самолета—уверенно ведет его молодой летчик по воздушной дороге, глубоко под землей рубает уголь молодой шахтер, на высокой вышке с ружьем в руках стережет урожай молодой колхозник, стоит на посту красноармеец-часовой. На всех боевых фронтах нашей страны дерутся миллионы рабочей и колхозной молодежи. Но лучшие из них: самые смелые летчики, передовые шахтеры, лучшие молодые колхозники, красноармейцы, учителя—это комсомольцы, помощники партии, бойцы великой армии ленинского комсомола. О них мы рассказываем на этих двух страницах в день XIX МЮД.

Пионеры, берите с них пример, учитесь у них драться за дело Ленина, Сталина. Учитесь у лучших комсомольцев комсомольской стойкости, смелости, преданности рабочему классу.

РЕКОРД ЗАТЯЖНОГО ПРЫЖКА



2 августа под Ленинградом военный летчик т. Евдокимов поставил мировой рекорд затяжного прыжка с парашютом. Поднявшись на самолете на высоту 6.700 м., т. Евдокимов раскрыл парашют только спустя 1 мин. 48 сек. после прыжка — на расстоянии 480 м. от земли. Таким образом т. Евдокимов пролетел без парашюта 6.220 м., причем т. Евдокимов падал со скоростью 217 км. в час. Приземление прошло нормально. Самочувствие летчика хорошее.

Тов. Евдокимову 24 года. С 1925 г. он комсомолец и кандидат в члены партии. Тов. Евдокимов сделал уже 48 парашютных прыжков и в том числе 26 затяжных.

Последний рекордный затяжной прыжок с парашютом был совершен 24 мая этого года английским летчиком Транумом, который раскрыл парашют спустя 1 мин. 27 сек. после прыжка и пролетел 5.270 м.

Предыдущий всесоюзный рекорд был недавно поставлен летчиком Кайтановым, который, не открывая парашюта, пролетел за 62 сек. 3.170 м.

ОБУШОК НИКИТЫ ИЗОТОВА

Когда Саша Степаненко вышел впервые на изотовский участок, то после отбойного молотка обушок показался ему слишком легким. Но когда он начал рубать, он вдруг почувствовал тяжесть обушка, — уголь был крепок и не поддавался его усилиям.

Сверху полз по уступам высокий, в кожаной шляпе, человек. Это был Никита Изотов.

— Погоди,—окликнул Изотов Сашу.—Ну как, тяжело?

— Да, немного туговато. Или потому, что я тут впервые, или уже такой твердый уголь. Сам не пойму,—признался Саша.

Изотов, выслушав Степаненко, взял его обушок и осмотрел его.

— Ну куда уголь рубать таким обушком! Только руки портить. Вот смотри: меть так свой удар, чтобы он вызвал плавный поток угля...

Саша взял обушок, Изотов смотрел.

— Нет, не так. Вот как бей,— снова показал Изотов.

Сашины глаза бегают за каждым движением опытного шахтера.

— Вот так!.. Так!..

Степаненко почувствовал свою силу. Он стал спокоен. Изотов стоял и смотрел, как Саша наносил удары. Уголь отваливался, сыпался вниз и тарабанил по стойке.

На другой день Никита Изотов, встретив в нарядной Степаненко, дал ему обушок с новой белой рукояткой. А когда он спустился на седьмой участок, Никита вторично проинструктировал его и показал, как нужно рубать. В этот день Саша вырубил шесть коней вместо технической нормы в четыре.

Обушок от Никиты Изотова—гордость и честь комсомольцу за ударный труд. Саша Степаненко день ото дня стал вырубать 8, 10, 11, 12, 13 коней. За январь Саша свое задание выполнил на 200 процентов, в феврале — на 214 процентов, а за 4 дня марта— на 300 процентов.

Саша Степаненко не только один из лучших забойщиков, он лучший секретарь цеховой комсомольской ячейки своего участка.

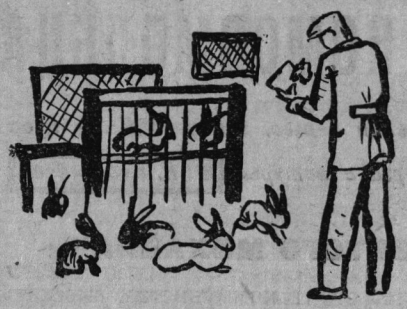
ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК КОМСОМОЛЬЦА МАКСИМЕНКО

3 августа, обходя колхозные поля села Неферовки Винницкой области, комсомолец т. Максименко заметил, что кто-то срезает колосья ржи. Тов. Максименко пытался задержать вора, но тот открыл стрельбу из обреза и ранил т. Максименко двумя пулями в ногу. Превозмогая боль, т. Максименко кинулся на врага, вырвал у него обрез и скрутил вору руки.

Вором оказался кулак Грищенко, систематически срезавший колосья на колхозных полях.

Доведя Грищенко до правления колхоза, т. Максименко, обессилев, упал без сознания и был подобран подоспевшими колхозниками.

КРЕПКИЕ КОНИ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ



Сидорина пришла к Сережке Напену, когда бюро совсем отмахнулось от него.

— Сережка, — сказала Сидорина,— пойдешь ко мне в кавалерию?

— Нет,— ответил Сергей.

— Почему?

— Да так, больно тяжелый я парень. Твои кони от моей фигуры, чего доброго, разлосятся.

— Эх ты, какой размашистый! Пойдем, Сергей, я интересную работу дам.

— Знаем мы вашу работу!—отрезал Сергей.— Почесать пятки у сторожа.

— Видно не знаешь,—ответила Сидорина.—Легкая кавалерия пяток никому не чешет. Она скорее должна подметки резать. Да что там спорить! Вот мы начнем сейчас поход за рабочее снабжение. Первый рейд будет крольчатник. Говори прямо: хочешь ты своими руками ловить воров, растратчиков и бюрократов?

— Хочу.

— Тогда идем, получай путевку и завтра отправляйся в рейд.

Результаты первого рейда превзошли все ожидания Сидориной. Сергей не только блестяще справился со своей задачей, он еще вдобавок по собственной инициативе описал результаты обследования в небольшой заметке и принес ее в фабричную газету.

«У нас в крольчатнике 344 кролика,— писал Сергей.— 196 кроликов являются кулаками и живут в тепле и роскоши под крышей закрытого сарая. 101 кролик находится в середняцком положении и обретается в клетках, расположенных рядом с сараем. Наконец у нас есть 46 кроликов — бедняков, которые спят на мягком сене и покрываются открытым небом. Клетки этих кроликов разбиты. Завхоз Игнатов не обращает на это никакого внимания».

Через несколько же дней, когда завхоз Игнатов сколотил новые клетки и осветил крольчатник фонарями, Сережке пришлось вторично выехать на место обследования.

— Ну как?— спросила Сидорина.— Крепки наши кони?

— Крепки,— ответил Сергей.

— Раз крепки, то давай, готовься к новому рейду.

ВОСПИТАТЕЛЬ БАРАНЦА

Кони болели, кони падали, жеребые кобылы не выносили тяжелой работы, болели и надолго выбывали из строя. Враг пробрался в конюшню и наносил метко удар за ударом в сердце коммуны.

В этот тяжелый период комсомолец Тарас Трощинский об'явил о своем желании стать конюхом. К нему отнеслись с большим недоверием, но поручили ходить за жеребой кобылой Галкой.

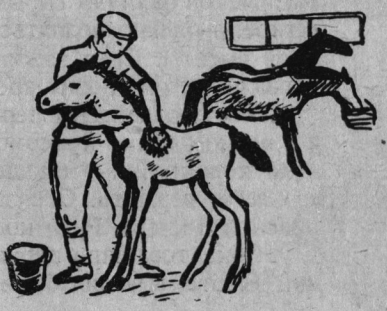
Тарас дневал и ночевал в конюшне. Несколько раз за ночь он поднимался и заворачивал к старой коммунарке Хаскель Анне за советом.

Наконец Галка ожеребилась. Тарас просиял. Никогда в жизни он не был таким счастливым, как в этот день. По всей коммуне разошлась весть, что Галка Тараса привела «здорове и гарне лоша».

На лбу у жеребенка вился чубик, как у баранчика, как у ягненка. Поэтому Тарас дал ему кличку Баранец.

Заботы молодого конюха удесятерились. Тарас знал, что ему предстоит еще большая работа, что вырастить Баранца не так уж просто. Галка понемногу оправилась от родов, и Тарас занялся розысками для нее питательных кормов. То принесет бывало из степи сочную зеленую травку, то выклянчит всякими путями у правления для «больной» лошади лишнюю порцию высевок. Хорошее питание Галки благоприятно отразилось на росте Баранца. Достаточно было двух недель хорошего ухода Тараса, чтобы Баранец быстро окреп и уже прочно держался на ногах.

Установились жаркие июльские дни. Баранец с трудом переносил жару, и Тарас ежедневно отводил своего жеребенка к пруду. Засучив рукава, он старательно обмывал и очищал золотистую шерсть Баранца.



Как-то Тарас поехал по делам правления в район. На второй день он возвращался обратно.

Тарас застал Баранца нездоровым. Его чем-то обкормили. Баранец беспомощно растянулся в стойле, глаза его налились кровью, он тяжело стонал от сильных боли и рези в желудке. Тарас заметил, что у Баранца нарастает вздутие. Была дорога каждая минута. Баранец был в опасности.

Тарас заботливо и аккуратно выполнял советы врача — заливал лекарства, делал натирания больному Баранцу.

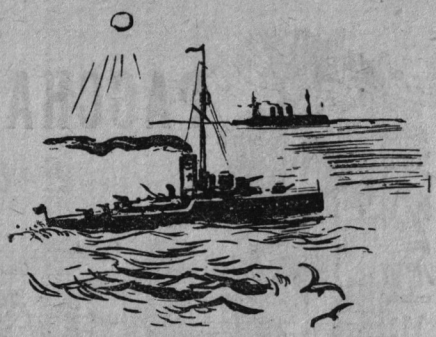
Его труды не пропали даром. Через две недели жеребенок выздоровел.

С течением времени перед Тарасом встала другая задача — приучить Баранца к труду.

Он ласково и тихо, ни разу не употребив кнута, приучил Баранца к двуколке. Затем, постепенно переводя из легких на тяжелые работы, Тарас воспитал из Баранца рабочего коня.

Сейчас Баранец работает в первой бригаде. Он сильнее всех коммунарских лошадей. Норма выработки его рекордная.

Уже давно Тарас не работает на конюшне, но его опыт служит примером для каждого молодого конюха.



НА МАКСИМАЛЬНОМ ХОДУ

Корабль летит вперед с максимальной скоростью. Бурун за кормой взбит винтами клокочущей стеной. Из левой машины поднимается наверх комсомолец Ельцов. Он только что определял соленость воды в машине. Пробирка указывала 2 градуса. Все было в порядке, поэтому Ельцов восхищенно смотрел на бурун и удивлялся стремительности эсминца.

Ельцов сегодня испытывает радость первого плавания. Всего полгода назад колхозник Ельцов привез сына на станцию и сказал ему:

— Ну, Серега, ежели будешь годен, просись во флот. Отец у тебя был моряком, а ты будь краснофлотцем. Смотри, не срамись на службе. А когда впервой оморячишься, напиши старику.

Комсомолец Ельцов спустился в ленинский уголок и стал писать:

«Дорогому папаше Ивану Стратонитовичу от сына Сергея.

Наконец мы снялись с якоря и вышли с зимней стоянки. Корабль летит в Финский залив, разрезая воду по сторонам. Дорогой папаша, вот тут и началась моя морская жизнь. Первый поход показал, что я могу действовать при всяком ходе корабля, не понижая своей работы. Вы, папаша, служили на «Петре» много лет назад и не знаете, какая теперь разница в службах. Я выпущен специалистом. Зимой прошел теорию на «хорошо», а теперь изучаю практику. Сам хожу по кочегаркам и машинам, измеряя воду. Каждый день я повышаю свой опыт, и это будет удовлетворительная гарантия вам, папаша, и командованию, что ваш сын Сергей крепко будет держать кулак над теми, кто посмеет помешать нам работать.

Ваш сын Сергей».

Корабль шел максимальным ходом. Контрольное время для испытаний механизмов закончилось. Котлы и машины показали образцовое состояние, электромеханическая команда — изумительную четкость и организованность.

РАССКАЗЫ ГАМБУРГСКОГО КОМСОМОЛЬЦА

Рассказал Вилли Бергер, записала Е. Рубцова

Рисунки-зарисовки Гамбурга с натуры Н. Н. Купреянова

Уголок старого Гамбурга

МОБИЛИЗАЦИЯ „СВЯТОГО МИХАИЛА“

В Гамбурге не так, как у вас: стоит коммунистам вывесить свой лозунг, плакат или просто красное знамя, — полиция, фашисты тут как тут и живо его сдирают.

Собрались раз шесть комсомольцев. Они получили задание от ячейки написать коммунистические лозунги, чтобы их видели все.

— Хорошо бы забраться повыше, — сказал Курт Шлегель,— чтобы не скоро добрались до лозунгов!

Стали думать.

— Знаете что, давайте распишем купол «святого Михаила»! — предложил Руди Штейн, самый маленький и юркий из всех («святой Михаил» — самая высокая церковь в Гамбурге).

Предложение Руди понравилось. Согласились сразу.

Три дня ушло на подготовку. Нужно было точно изучить время прихода и ухода сторожей, хорошо узнать все входы и выходы в церкви.

На третий день в условленный час все шесть были на месте. Обязанности распределены заранее. Принесены краски, веревки, подобран ключ к церковным дверям.

Тихо, без шума открыта тяжелая дверь, и на шестерых смельчаков пахнуло сырым и затхлым воздухом церкви. Дело нелегкое, — нужно подняться на колокольню, а колокольня 120 метров высоты. Свет зажигать нельзя: если их заметят, все дело провалится, им грозит арест, суд и тюрьма.

Ощупью найдены первые ступени старой винтовой лестницы, и в полном мраке комсомольцы взбираются на колокольню. В куполе колокольни — окошечки. Руди Штейн — самый маленький, его легче держать. Обвязав вокруг себя веревку, взяв ведерко с краской и кисть, Руди кошкой соскользнул вниз.

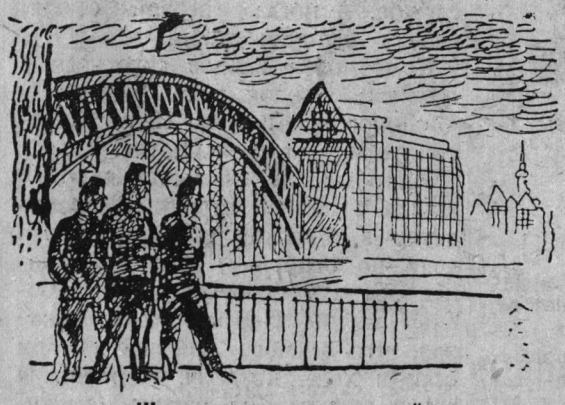
Пока товарищи держали веревку, Руди, повиснув на огромной высоте, выводил большими буквами:

«Es lebe Thälman!»
«Да здравствует Тельман!».

Утром об этом говорили на всех перекрестках, писали во всех газетах. Толпы рабочих приходили смотреть красный лозунг на куполе «святого Михаила».

— Молодцы коммунисты! — говорили в толпе.

Полиция была вне себя. Два дня красовался лозунг, и даже пожарники отказывались его уничтожить.



Шупо „на-страже порядка“

КАК БЕРНИ РАЗОГНАЛ ФАШИСТОВ

Бамбек — один из рабочих районов Гамбурга.

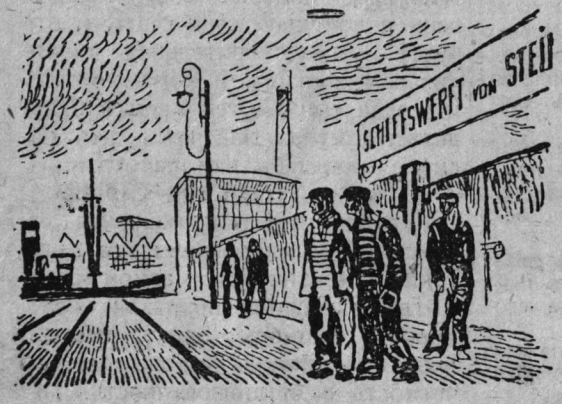
Чтобы запугать рабочих, фашисты устроили там свою демонстрацию.

По главной улице между двумя шпалерами полицейских, оцепивших мостовую, шли фашисты с флагами, факелами, песнями, выкрикивая угрозы по адресу рабочих.

Хмуро смотрели рабочие на непрошенных гостей, собираясь кучками на тротуарах.

На углу ожидали комсомольцы. Они собрались, чтобы прогнать фашистов, но «шупо» [1] густыми рядами охраняли демонстрацию, и затея казалась безнадежной.

И вот, когда колонна фашистов подошла к перекрестку, из толпы отделился молодой рабочий. Это был Берни Петерс, комсомолец.



Пикет забастовщиков

[1] Шупо — кличка полицейских в Германии.

Прорвавшись через цепь, он врезался в ряды фашистов и выхватил знамя у знаменосца.

Раньше чем полиция и фашисты успели опомниться, он метнулся стрелой на другую сторону тротуара и снова скрылся в толпе.

Нападение Берни вызвало замешательство в рядах фашистов, и в то время как передние приостановились, задние наскочили на них с горящими факелами.

Пожар! Фашисты сами себя подожгли. Через минуту вместо стройных рядов на перекрестке барахталась какая-то каша из обалделых, ничего не соображающих людей.

«Коричневые рубашки» разбежались в панике, демонстрация была сорвана.

ЛИСТОВКИ В КАЗАРМЕ

В дни революционных празднеств рабочие Германии сами по-своему украшают город. Каждый, кто за коммунистов, вывешивает на окнах красный флаг. И в каждом городе есть такие кварталы, которые сверху донизу одеваются в красное.

В Альтоне[1] есть улица Ломюлленштрассе. Это улица рабочих. Первого мая, в МЮД и в Октябре она вся одета в красное. Но на Ломюлленштрассе есть враги. На одном из перекрестков — «локаль» (пивная) и казарма штурмового отряда фашистов. Когда однажды на улице появился первый красный флаг, взбесившиеся штурмовики ворвались в дом, разгромили квартиру и начали избивать семью рабочего, вывесившего флаг. На выручку подоспели соседи-рабочие, и началась большая драка. Фашистов прогнали.

Но комсомольская ячейка квартала не успокоилась и выпустила листовку для штурмовиков, — среди них ведь есть и обманутые рабочие

Листовки готовы, но проникнуть к штурмовикам не так просто. После драки с рабочими они оцепили весь квартал. На каждом перекрестке расставлены посты вооруженных штурмовиков. Ячейка дала задание Фрицу Веберу: во что бы то ни стало пробраться к штурмовикам.

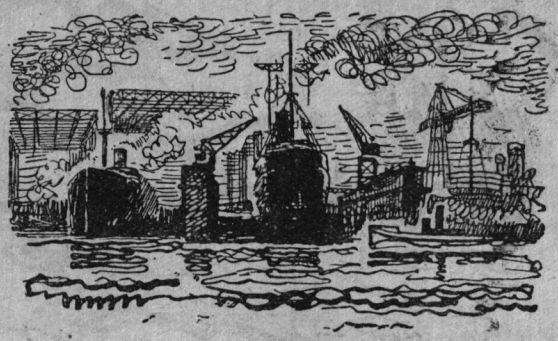
Фриц решил не пробраться, а прорваться. Он достал велосипед и с пачкой листовок подмышкой вихрем промчался мимо одного из постов. Пока штурмовики бежали вдогонку, Фриц уже был у «локаля».

Он соскочил с велосипеда и, стоя в дверях, швырнул листовки внутрь.

Листовки веселой стайкой порхнули между столиками, но Фриц уже не видел этого.

Он вскочил на велосипед, обогнул угол и промчался мимо другого поста штурмовиков, которые ничего не видели и не знали. Задание было выполнено.

[1] Альтона — город смежный с Гамбургом.



В Гамбургском порту

План города и порта. В центре старого города церковь „святого Михаила“

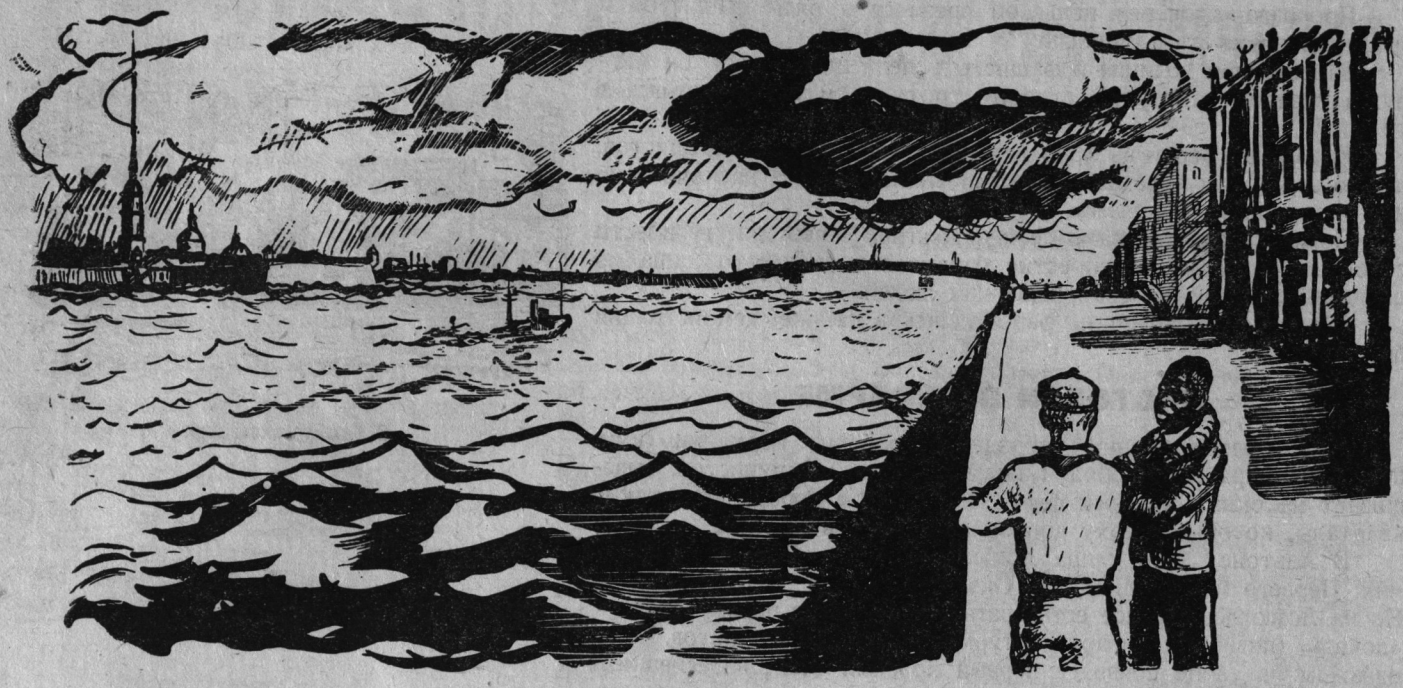
ПЛАМЕННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ

БОРЦАМ ПРОТИВ ФАШИЗМА, КОММУНИСТАМ

И КОМСОМОЛЬЦАМ ГЕРМАНИИ:

УЗНИКАМ ФАШИЗМА, т. ТЕЛЬМАНУ —

БОЕВОЙ РОТ ФРОНТ!



ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Дуглас Штиммер, американец, молодой инженер, и Майкель Бьерк, негритенок — по прозванию Хеппи (счастливчик) — приятели. Штиммер спас Хеппи из рук собиравшихся его сжечь по суду Линча. Штиммер получает работу у капиталиста Фафнира на постройке гидростанции в Болдер-Сити и от него же получает «листок счастья». Это — листок, на котором кружками обозначены должности от рассыльного до директора. Листок показывает, чего может добиться поступающий на службу к Фафниру.

Штиммер пытается устроить туда же на работу и Хеппи. Фафнир не принимает цветных (черных), но Хеппи недаром носит свое прозвище, случай сталкивает его с Фафниром, и он все же получает работу на машинке для заклейки конвертов. Однако Хеппи мечтает не о такой работе. Он посылает своему дяде, повару на корабле, письмо, в котором просит устроить его на пароходе. Работу у Фафнира Хеппи теряет очень быстро и отправляется к Штиммеру на строительство. Штиммер сочувствует недовольству рабочих на стройке, которых кормят тухлыми консервами. Кроме того в газете появляются рядом портреты его и Хеппи. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке на стройке. Они на пароходе «Иохан Ван-Ольденбарневельт», где служит коком дядя Хеппи, прибывают в СССР.

Роман С. Григорьева

Рисунки П. Кузьмичева

(*Продолжение*)

Прошло несколько серых дней с тех пор, как Майкель Бьерк с обнаженной головой ступил на берег СССР. Дождь лил непрерывно. Но даже и в Ленинграде, даже и в сентябре бывают если не ликующие дни, то хоть ликующие солнечные часы.

Поблекшая петербургская осень в такие редкие часы вспоминает, что она еще так недавно была рыжей красавицей с голубыми глазами.

Трамвайные вагоны вспоминают, что когда-то весной их бока, теперь обшарпанные и забрызганные липкой грязью, блистали огненно-красным лаком. «Финляндский» (по старой памяти) пароходик, на котором, сидя под бурым тентом, плыли из порта к Народному мосту Майкель Бьерк и Дан Ландис, тоже вспоминал, что весной корпус его был выкрашен в доке под цвет атлантической волны. Кормовой красный флаг побурел за навигацию от угольного дыма, обтрепались и побурели и все красные флаги на мачтах и шпилях, но они в этот ликующий час весело и важно плещут в фарфоровой синеве, зная, что будь хоть дождь, хоть снег, а в *Октябре* все флаги вспыхнут обновленным огнем.

Ветер настойчиво дул с моря в корму. Вода в Неве, налитая до черных колец, вделанных в пятнистый гранит, казалась под солнцем чернилами, растворенными из химического карандаша.

Дан Ландис называл по мере хода места, а Хеппи глазел по сторонам.

— Северная верфь.

— Верфь Марти.

— Горный институт.

— Медный всадник. Адмиралтейство. Народный мост. Здесь надо выходить.

Пароход причалил. Хеппи и Дан вышли с парохода на поплавок и с поплавка по трапу на береговой гранит.

— Здесь жил последний царь, Хеппи! — указал Дан Ландис на Зимний дворец. — А за рекой — тюрьма, крепость. Там томились при царе революционеры.

Хеппи долго смотрел на крепость за беспокойною Невой, переводил взор на дворец и наконец сказал:

— Скажи, Дан, почему с Невы дворец выкрашен в синий с белым цвет, а здесь сбоку в кофейный? Так считают красивей в этой, я хотел бы сказать, *нашей* стране?

— Нет, просто нехватило краски.

— Какой, темной или голубой?

— Голубой.

— Тогда лучше было бы выкрасить все в темный, самый темный цвет. Я выкрасил бы сажей. А крепость надо выкрасить в красный цвет.

— Нас с тобой не спросили, Хеппи! Идем. Мистер Штиммер нас ждет.

Хеппи оглянулся еще раз на темнолиловую Неву. Они направились мимо дворца торцовой дорожкой под оранжевую арку Штаба.

Из-за зеркального стекла в под'езде «Европейской гостиницы» смотрел на пустую улицу, ожидая приезжих, коридорный в алой рубахе и белом фартуке. Он открыл дверь, лишь только Дан коснулся ручки. Дан пропустил Хеппи вперед. Они вошли в тамбур вертушки, которую вежливо им повернул сонный старик-швейцар в темнозеленой ливрее с золотым позументом. Старик-посыльный в картузе с красным околышем дремал у стенки на малиновом диване и, сонно проводив мальчишек глазами, зевнул.

Дан справился у портье в потертом рыжем сюртуке:

— Дома ли господа Штиммер и Кульвер?

Портье кивнул «гамену».

Мальчик в коричневой куртке рассеянно взглянул на Хеппи, украдкой показал ему язык, потом подошел к доске с ключами и ответил:

— Дома.

Мальчишки пошли по мягкому цветному ковру пустых и тихих коридоров. Дан нажал кнопку звонка у двери цвета шоколада.

— Входите. А, это ты, Хеппи, и с тобой товарищ! Хеппи сдержанно и церемонно поклонился и представил Ландиса и Штиммера друг другу.

— Вы одни, мистер Штиммер? Это очень удобно. Нам надо поговорить.

— Садитесь. Слушаю. Почему же ты так важен? Я не узнаю тебя, Хеппи!

— Майкель Бьерк, сэр!—поправил Хеппи. Он повел желтоватыми белками глаз вокруг и прибавил:

— Очень просто! В этой обстановке, сэр, мы должны держать себя с подобающим достоинством.

— Ах, понимаю! — догадался Штиммер. — Ведь мы с тобой здесь *иностранцы*. Садитесь. Чем могу служить, господа иностранцы?

— Сэр,—Хеппи вздохнул,—как раз мы пришли поговорить с вами об одном вопросе. Как твои дела, Дудди? Пожалуй *дрянь?* — внезапно перешел Хеппи на свой обычный тон и весело расхохотался.

— Не совсем дрянь, Хеппи! Я все еще «самотек». Ведь я приехал без специального приглашения. Обо мне собирают справки. Выясняют мою физиономию, так мне сказали. Надеюсь, что моя физиономия не плоха. А ты?

— Моя физиономия ясна, сэр! — ответил Хеппи, сияя.— Я жертва буржуазного террора. Очень хорошая физиономия в этой стране, Дудди!

Хеппи взглянул на Дана Ландиса, тот смотрел на Хеппи недоверчиво.

— Видите, мистер Дуглас, — опять с напускной важностью, уловив взгляд Дана, заговорил Хеппи. — Меня «взяли в работу», как говорят в этой стране. Я был в Мопре. Вы знаете конечно, сэр, что это международное общество оказывает помощь таким лицам, как я. Однако необходимо (безусловно необходимо, Дудди!), чтобы кто-нибудь *живой* подтвердил, что написано в известных вам, джентельмены, документах. Надеюсь что вы, мистер Штиммер, не откажетесь сделать это?

Хеппи посмотрел на Штиммера, умильно прибавил:

— Ты должен, Дудди, хорошенько вспомнить, что *огонь* тогда уже горел. А то Дан и вообще все парни говорят, что я «заливаю». Ха! Хотел бы я видеть, как стали бы они заливать этот огонь!

Штиммер молча несколько мгновений смотрел в лицо Дана Ландиса, который видимо ожидал ответа с большим нетерпением, чем Хеппи, но старался это скрыть.

— Да, Хеппи, — серьезно сказал Штиммер, обращаясь не столько к нему, сколько к Дану Ландису,— я хорошо помню этот день, хотя это было давно. Негодяи хотели напугать тебя до смерти. Они уже зажгли костер у твоих ног. Я случайно наткнулся на эту ужасную сцену и сделал то, что, надеюсь, сделали бы вы, Дан, — внезапно повернулся Штиммер к спутнику Хеппи.

Дан вспыхнул и ответил твердо:

— Да, я сделал бы то же, что и вы, мистер Штиммер! Я тоже задал бы встрепку этим негодяям!

— О, — воскликнул Хеппи, — Дудди сделал не так. Он сначала освободил меня, и я принял участие в этом славном деле. Мы их здорово поколотили. Очень просто!

— Мы просим вас, мистер Штиммер, подтвердить лично в комитете Мопра то, что сейчас вы сказали, — сказал Дан Ландис.

— Когда вам будет угодно?

— Сегодня.

— Хоть сейчас. Отправимся вместе. Я свободен.

— Я пойду туда, а вы с Хеппи приедете через полчаса. К тому времени я все там устрою.

— Отлично.

Дан ушел. Хеппи и Штиммер остались вдвоем.

— Ты настоящий парень, Дудди! Я так боялся, что ты скажешь что-нибудь не так. Я знаю, что мы с тобой хорошо устроимся в этой стране. Надо сделать так, чтобы и тебя взяли «в работу»!

— Я собирался спросить завтрак. Надеюсь, ты позавтракаешь со мной? Не хочешь ли сигару?

— Нет, я больше не курю, Дудди! — ответил Хеппи, пересаживаясь с кресла на стул. — Это кресло чересчур обширно для меня. Я в нем болтаюсь, как шлюпка в море. Что до завтрака, благодарю, сэр, я уже завтракал. Я хотел сказать тебе, Дудди!.. Ведь здесь нам нечего скрываться. Признаться, Дудди, там в Америке мне тогда казалось...

— Ты не ошибся, Хеппи, — поспешно согласился Штиммер, слегка зардевшись.

— В чем, Дудди? Я хочу сказать, мне тогда казалось, что ты догадался...

— О чем, Хеппи?

— О том, что меня — хе-хе, гм!— несколько стесняет твоя привязанность ко мне.

Штиммер весело расхохотался.

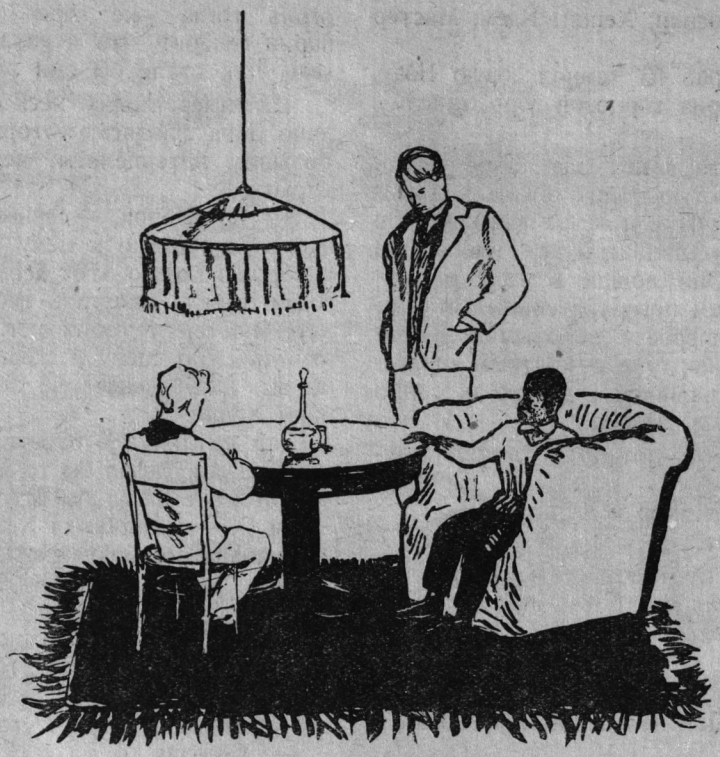
— Да, — важно подтвердил Хеппи, — здесь мне нечего скрываться, сэр, и я должен вам сказать откровенно, не надо пересаливать. Это не нужно. Здесь, сэр, придется не замечать, что я цветной.

— Это трудно, Хеппи!

— Не думаю. Когда мы пришли с Даном сюда, никто не заметил, что я... Впрочем один юный джентльмен в коричневой куртке и весь утыканный пуговицами внизу показал мне язык. Это его дело. Я ему тем не ответил (до другого раза!), будто не видел. А остальные? Мы встретили в коридоре девушку и она даже на меня не взглянула!

— Постараюсь, Хеппи, быть с тобой вполне на равной ноге. Не буду назойлив и в дружбе к тебе, тем более, что я скоро уеду.

— Куда?



„Чем могу служить, господа иностранцы?“

— Вероятно мне разрешат работать на одной из новостроек в Сибири. Я получил от Гринера письмо, он там. А ты что думаешь делать, Хеппи?

— Еще не знаю. У меня масса предложений. Андрюшка Творов — это один из здешних парней — говорит, что любой пионерский отряд возьмет меня играть на трубе. Еще бы! Когда они маршируют и впереди идет Майкель Бьерк с блестящею трубой и дудит, это чего-нибудь да стоит! Только вообразите себе ясней эту картину. Или в школе, где учится Дан, — это школа для детей иностранных инженеров, сэр! Там я нашел целую кучу музыки. Я им показал, что значит настоящий шумовой оркестр. Парни говорят, что я должен быть капельмейстером в школьном джазе.

— А как же машины? Станки?

— О, это очень просто! Я могу учиться и работать на станке. В этой стране непременно надо в школе работать на какой-нибудь машине. Это называется «уклон». Но я боюсь, Дудди, очень боюсь!

— Чего же, Хеппи?

— Что ты будешь меня упрашивать ехать с тобой в Сибирь. Боюсь, что без меня тебе будет трудно в этой стране.

Хеппи смотрел Штиммеру в глаза с надеждой.

— А ты бы согласился?

— Очень просто, Дудди! Конечно, если тебе трудно без меня, я согласился бы, пожалуй.

„Ка“ и „Чики“

Из широкого окна гостиницы Штиммер и Хеппи любовались первым бураном. Казалось, зима задалась целью засыпать все черно-железное, красно-чугунное, серо-бетонное, что возникло в пустыне у подножия горы Ок-Джепес. Буран хотел, казалось, засыпать даже гору. Она моментами совсем пропадала за метелью. По-киргизски Ок-Джепес значит: «не достанешь стрелой», — так славилась исстари гора своей высотой у кочевников. Теперь они сами зимними муравьями, невзирая на буран, копошились у верхнего уступа рудника на самой вершине. И паровозы, сделав петлю вокруг горы, по рельсам отважно взбирались к обрезу рудного массива с хвостами пустых думкаров, чтобы грузить руду.

Хеппи блаженствовал.

— Это то самое место, Дудди!

— Какое «то самое», Хеппи?

— То, о котором я мечтал всю жизнь!

— Вот как, старина! Всю жизнь? Что ж тебе здесь особенно нравится?

— Здесь очень холодно сейчас. Зато здесь летом бывает так жарко, что у людей «лезут на лоб глаза», как мне сказали. Видал ли ты, Дудди, это где-нибудь в Америке? Это очень славно, Дудди! Пусть холод и снег, да лишь бы потом глаза вылезли на лоб! И это еще не все. Здесь очень мало американцев. И здесь только один негр, и это я. Это Хеппи. Он же Майкель Бьерк, если вам угодно. Счастливец Майкель Бьерк! Я прямо ему завидую, — прибавил Хеппи, как будто с грустью.

— В чем дело, Хеппи, почему тебе взгрустнулось?

— Видишь ли, Дудди, я скажу тебе откровенно. У Хеппи было там, за океанами, очень много врагов.

— Сколько же океанов, ты считаешь, отделяют теперь тебя от врагов?

— Чем больше, тем лучше, Дудди!

— Мы переплыли, Хеппи, с тобой только один океан, Атлантический.

— Да, то был мокрый океан. Но потом мы плыли еще «по сухому» океану. Это русский океан, так я называю. Он куда больше мокрого! Мы плыли по нему очень долго. Он, по крайней мере, в десять раз больше Америки!

— Тебе так показалось, Хеппи, потому что в России поезда идут очень тихо.

— Да, но ты не считаешь, Дудди, что мы потом очень быстро летели на аэроплане. Это был тоже океан. Куда я ни смотрел во все стороны, везде был один воздух. И меня начало уже немножко тошнить!

— Ну наконец мы на месте. И у меня тоже все еще кружится голова и все еще качается под ногами

земля. Однако ты сказал не все. Там, за океанами — по-твоему их три — у тебя было много врагов, а здесь?

— Нет, сначала «там». Там у Майкеля Бьерка было много врагов и один друг — это ты, Дудди! Я не считаю бабушку Бекки. Там, Дудди, я тебя очень любил. Ты это знаешь.

— Да, мне даже тогда казалось, что Хеппи любит меня чересчур.

— Хе-хе! Я полагаю, что так. А теперь я боюсь, что у Хеппи нехватит сердца. Их так много.

— Ты хватаешь через край, Хеппи! Неужели ты за неделю, как мы здесь, нахватал столько друзей?

— Нет, их не так еще много пока. Но если будет так итти дальше, то я боюсь...

— Сколько же их теперь?

Хеппи подумал и сказал:

— Таких, как ты, Дудди? Таких по крайней мере пять: Алеш-Ка, Вань-Ка, Мань-Ка — это три, а Абрам-Чик, Ваган-Чик — этих два. Есть еще Балай-Ка... Хеппи сомневается насчет Балай-Ка. Видишь ли, он пожалуй цветной! Он «Каза-Ка» — это такой народ... Нет, нет, ты не думай, что это черный, — у меня глаза, как у всех людей, а у Балай-Ки они только чуть-чуть надрезаны, чуть щелочки. Он тоже хороший парень. Заметь, Дудди, здесь все называются «ка» или «чики». Но Мань-Ка называется девчон-Ка Она тоже хороший парень. Это не беда, что она «девчон». Она говорит мне: «Ты, Хеп-Ка, славный мальчик». Они хотят, чтобы я был Хеп-Ка. Абрам-Чик спросил меня: «Ты Хеппи, может быть, хочешь переменить имя. Это можно». Я ответил: «Меня зовут Майкель, Майкель Бьерк, если вам угодно!» — «Майкель — это Михаил, и значит ты Миш-Ка!» Я уж и сам не знаю, что я: «Ка» или «Чик»?

— Я не вижу разницы, Хеппи!.. Все дело в этой проклятой русской грамматике...

— О, я все понял, Дудди! Разница большая, Дудди! Мне это об'яснил Абрам-Чик. Он знает немножко по-английски. И мы с ним заключили «соцдоговор» — я буду ему помогать по-английски, он мне по-русски. Если хочешь, то я и тебе, Дудди, помогу.

Хеппи вздохнул.

— Знаешь, о чем я жалею, Дудди?

— О деде Бьерке на теплоходе?

— О, нет! Мне жалко, помнишь, то комбине. Жаль, что его пришлось загнать в Фриско.

— Да ведь у тебя не было денег на билет. Если б ты не загнал комбине, то не попал бы в Лас-Вегас и стало быть и сюда.

— Так-то так, да мне очень бы пригодилось. Я поступаю в школу «эф-дзей-эс»[1]... Почти поступил, Дудди!

— Как же это могло случиться так скоро, Хеппи?

— Здесь все делается скоро, Дудди, потому что *темпы*. Мне очень помогает черное лицо и красный галстук. Я шел мимо школы. Мне попались навстречу два «Ка» и один «Чик». Один из «Ка» закричал: «Гляди, ребята, чорт живой идет!». Я остановился Они осмотрели меня и увидели, что я не чорт. Тогда второй «Ка» предложил: «Давайте, братцы, его бить!». Тогда вступился «Чик»—*Абрам* (я узнал после) и сказал: «Во-первых, чертей нет. Во-вторых, чорт не может быть пионером. В-третьих, это негр — это тебе не Америка, их бить». — «А по-моему, — ответил «Ка»—*Алеш* (как я после узнал),—негров бить нельзя и в Америке!» — «Тогда не надо бить» — согласился второй «Ка» — *Вань* (это я после узнал). — «Парень, айда с нами». — «Куда?» — «В школу. Покажем его Таракану». Они показали меня Таракану...

— Кто же этот Таракан?

— Хеппи думает, что это не таракан, а *козерог*[2]. Он шевелит усами и скрипит. Здесь нам повезло, Дудди, — Таракан говорит немного по-английски. Я ему все кратко об'яснил. «Учился ли ты в Америке?» — «Да, в Америке есть школы и для негров». — «А что ты хочешь делать здесь?» Тогда, Дудди, я еще не знал, это ты мне сказал только сегодня, что здесь все строят и работают и строить и работать это одно и то же. Я не мог ему ответить, что хочу строить социализм!.. Признаться, Дудди, я даже не понимаю, как это можно строить социализм! Ведь это не дом?

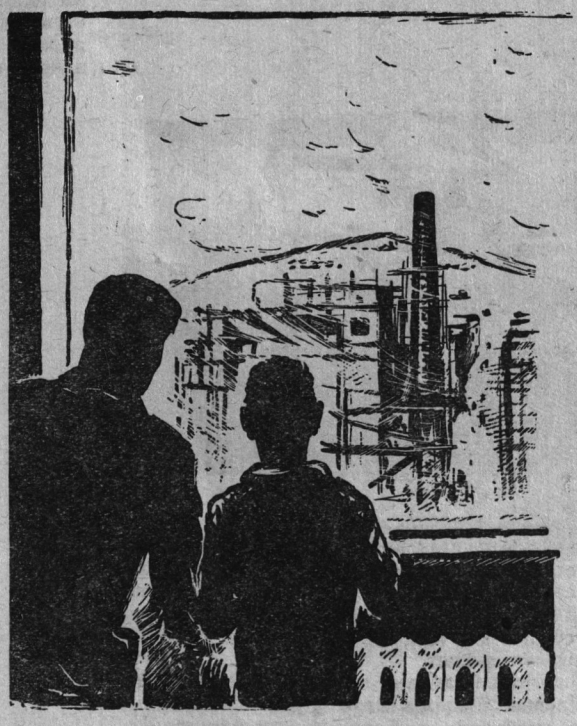
— Это дом для всех, Хеппи, где всем хорошо.

— Но мне говорили всегда, что «уоббли» должны разрушить весь мир!

— Здесь, Хеппи, капитализм уже разрушен. Самый фундамент его взорван. И теперь здесь можно уже строить.

— Отлично. Я, к сожалению, не мог ему ответить, как ты. Я ответил: «Я хочу работать у машины». Козерог-Таракан сказал мне: «Чтобы работать у машины, надо сначала учиться. Ты хочешь учиться?» — «Я уже учился в Америке». — «Ну ладно, — проскрипел Таракан,—мы тебя возьмем в работу». Я обрадовался. И что же ты думаешь, Дудди? Он сделал из меня проект. Ты знаешь, здесь в школах, как в Америке, проекты. Таракан поставил меня посредине и сказал: «Вот вам проект ребята: положение негров в САСШ и как это у нас в СССР. Абрам-Чик! Френкель! Кто еще учится английскому? Расспросите его и расскажите остальным. Я вам потом помогу. Начинайте!» И он «смылся».

(Продолжение следует)



Из широкого окна гостиницы Штиммер и Хеппи любовались первым бураном

[1] ФЗС

[2] Жук-дровосек.

У НАС НЕ БЫЛО СВОЕЙ АВИОПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТЕПЕРЬ ОНА ЕСТЬ

(СТАЛИН)

11 лет назад на Московском аэродроме произошло неожиданное событие. К нам прилетел из Голландии огромный по тому времени самолет. 10 человек могла нести на своих крыльях эта птица, называвшаяся «Фоккер-5».

Наши летчики с горьким восхищением осматривали прилетевший самолет.

«Эх, нам бы такие машины!»—казалось, думали они. А около самолета стояли иностранцы.

Это были голландцы. Они привезли свой самолет для продажи Советской России.

Они знали, что после гражданской войны наш воздушный флот обладал лишь сотней старых самолетов. «Гробами» называли эти самолеты наши красные военные летчики. Полет на этих самолетах всегда граничил с неизбежным риском разбиться.

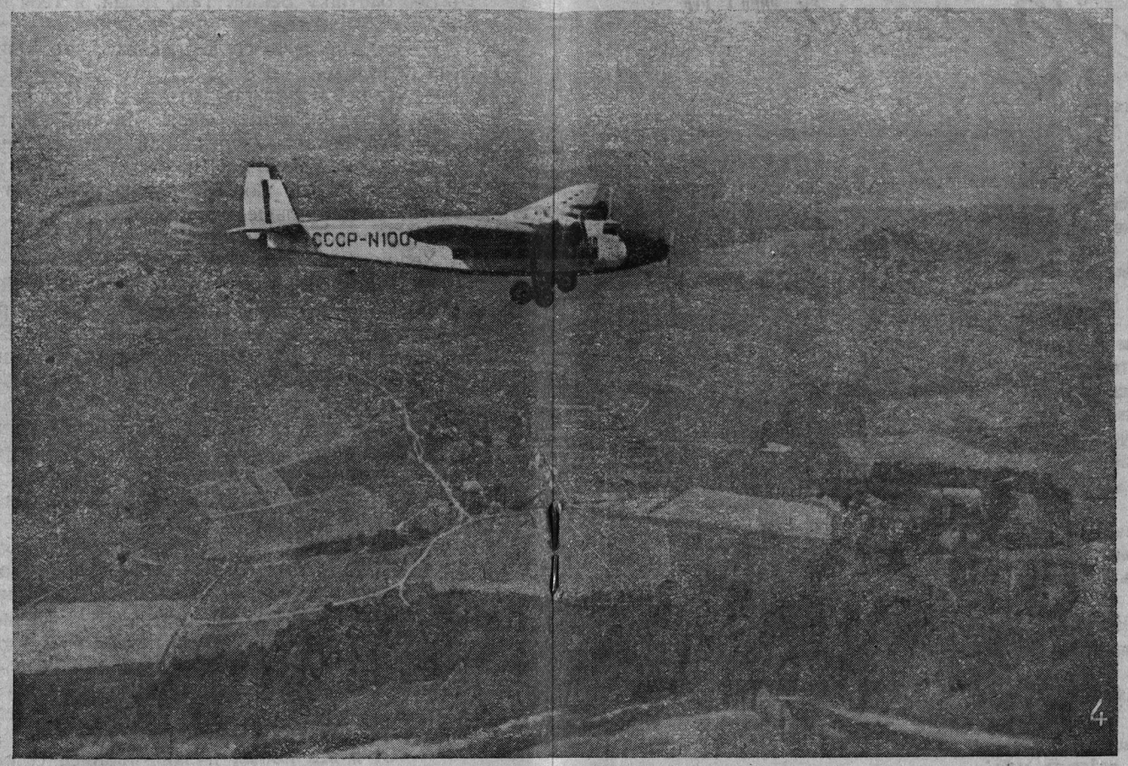
На фотографии изображена встреча прилетевшего из Амстердама в Москву самолета «Фоккер-5». Впереди—иностранцы; в группе—четыре красвоенлета в форме того времени — «богатырках».

Но покупка самолетов за границей продолжалась недолго. В 1923 г., десять лет назад, было организовано Общество друзей Воздушного флота.

При поддержке этого общества у нас начинают работать свои конструктуры. Появляются первые советские самолеты. На фотографии изображен первый советский металлический самолет «АНТ-3». Расшифровав первые буквы, мы узнаем, что строил его Андрей Николаевич Туполев; цифра обозначает, что это его третий самолет.

В 1926 г. на этом самолете летчик Громов с механиком Родзевичем совершил рекордный полет по Европе. Вылетев рано утром из Москвы, они позавтракали в Кенигсберге, пообедали в Берлине и поужинали в Париже.

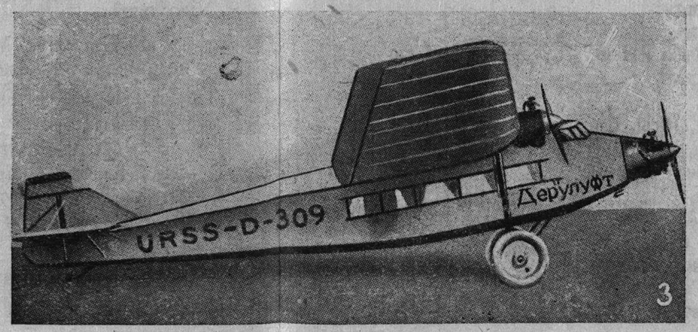
Следующие завтрак, обед и ужин были в Риме, Варшаве и Москве. 5 столиц Европы посетили они, затратив только 34 часа.



В 1931 г. появляется сорокаместный самолет «АНТ-14». Он имеет 5 моторов и весит 17 т., а с полным грузом 22 т. Это двухэтажный самолет. Во втором этаже в крыльях помещается комната для механиков. Крылья «АНТ-14» настолько толсты, что в них может проходить человек, не нагибаясь. Летчики этого самолета (а их двое) разговаривают с главным механиком по телефону. В первом этаже в носу самолета помещается пилотская рубка для старшего и младшего летчиков; за ней следует помещение для пассажиров, затем комната для переодевания, две уборные и помещение для багажа.

Этот самолет является вторым в мире по величине (он уступает лишь итальянскому самолету «Капрони»).

Но весной 1934 г. будет выпущен новый гигант «Максим Горький».



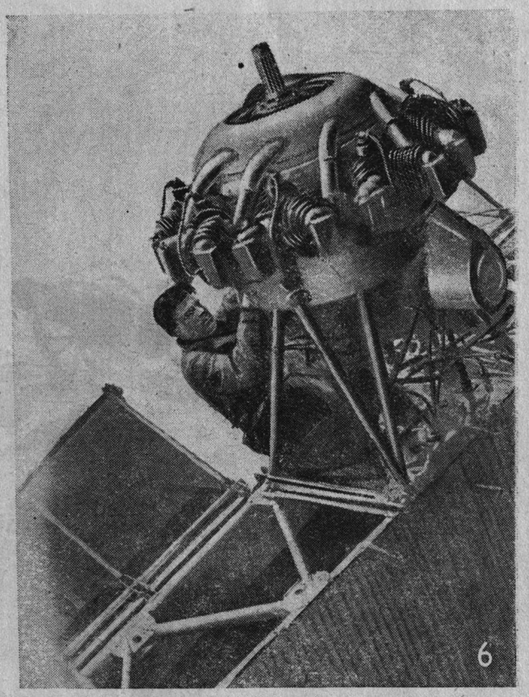
Самолет «АНТ-3» был двухместным. Он использовался для перевозки почты. Но с развитием наших воздушных линий нам потребовался более грузопод'емный самолет.

Первым таким самолетом явилась следующая конструкция Туполева — «АНТ-9». Этот металлический самолет поднимал уже 10 человек. Он имел 3 мотора и весил около 6 тонн. И эта машина в 1929 г. была показана иностранцам. Советские инженеры и журналисты на этом самолете, управляемом т. Громовым, слетали в Берлин, Париж, Лондон, Рим и Варшаву. Сейчас «АНТ-9» работает на воздушных линиях Союза от Полярного круга до Средней Азии. Благодаря его высоким качествам он принят на международной линии общества «Дерулюфт» и летает на линии Москва — Берлин.

А вот перед вами те кресла, на которых сидят пассажиры «АНТ-14». Его кабина превышает по размерам московский трамвай. За все свои полеты на этих креслах пересидели десятки тысяч пассажиров. Все они совершили благополучно полет.

Сидели на этих креслах и сотни московских, харьковских и ленинградских пионеров.

Весной в 1932 г. на «АНТ-14» летали 15 пионеров Фрунзенского района Москвы. Они были премированы полетом за участие в техническом походе.



Раньше у нас не было и моторов, а без мотора далеко не улетишь. Сейчас мы научились строить свои моторы. Наши моторы имеют мощность от 60 до 600 лош. сил.

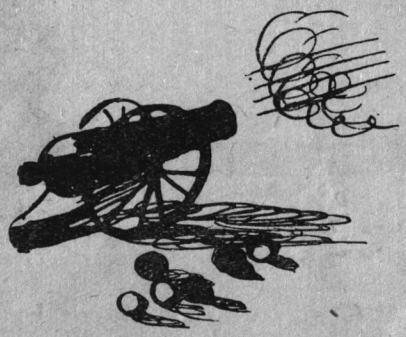
На рисунке изображен мотор «М-17», устанавливаемый на самолет «АНТ-9». На рисунке видны цилиндры мотора, расположенные звездообразно, и втулка для винта, который еще не установлен.

Механик внимательно проверяет части мотора, чтобы он не остановился в воздухе и работал хорошо.

Смерть Никиты Правдухина

Стихи деткора Н. Копыльцова, 14 лет, г. Бийск
Рисунки Г. Берендгофа

Ветер медленно качает
И березы, и дубы,
А Никита уж не чает,
Что приедет в Шалдыбы.
Шалдыбы — село на Волге,
Восемь сотен в нем дворов.
. . . . . .
Черным саваном настала,
Враг Никиты, темень-ночь,
Времени осталось мало,
Он несется во всю мочь.
У Никиты порученье
Пугачева разыскать.
В Шалдыбах теперь волненье,
Не попасть.
По селу солдаты бродят,
За селом посты,
А Никита песнь заводит
От тоски.
У Правдухина Никиты
Все рябит в глазах.
Мысли черные: разбиты
Наши в Шалдыбах.
Сам полковник Воеводин
Там стоит давно.
Нет, уж видно победить нам
Так не суждено.
Вдруг... верхами
Наши, наши!



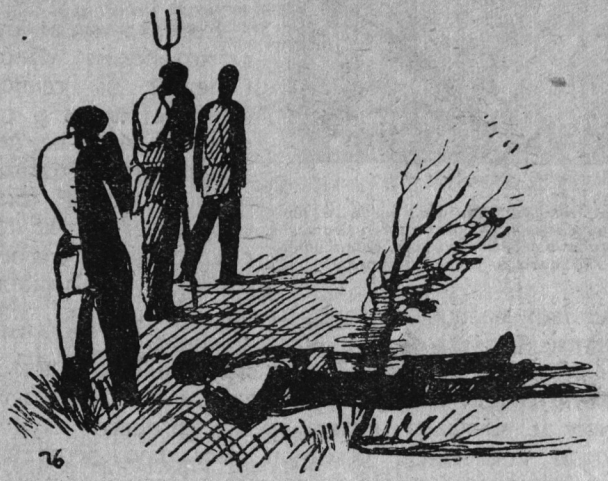
...Шалдыбы у нас отняли.
...Пугачев спасен.
...Два пикета ночью сняли.
...Строгов осужден...
Ну так как же?
К чорту, к чорту!
Мы вперед идем.
Шалдыбы сегодня ночью
Все равно вернем.
. . . . . .
Вилы, грабли, косы, цепы,
Сабли, ружья, кулаки —
То идут лавиной мощной
Мужики.
Подпоручик Алексеев
Был недавно взят.
Бей их насмерть, лиходеев!
Голодом морят!
Бой идет. Мелькают сабли,
Головы летят.

На солнце блестя и искрясь,
Вонзаясь острием в тело
И кровь вельмож проливая,
Расти, пугачевское дело!
За униженных и оскорбленных,
За убитых, голодных, раздетых...
За десятки деревень сожженных

Отомстит восстание это.
И блестящей сталью кинжала
Отрежет мужик-хлебороб
Помещичьей власти жало,
Не жалило в сердце чтоб.
Зеленые нивы, луга заливные,
Заводы, деревни, поля,
Равнины и горы, моря и низины —
Народ, для тебя!

Так в темень ночную
Никита Правдухин
И около сотни крестьян
Вразброд и вплотную —
Жужжащие мухи —
Неслись в неприятельский стан,
Сшибая,
сжигая,
Валя
и паля,
Мстя
за убитых товарищей,
Трупы убитых
на землю валя,
Превращая стан вражий
В пожарище.

Никиту зарезали в свалке ночной.
Пред смертью он тихо сказал:
— Нетрогов, я ухожу на покой.
Скажи Пугачеву, чтобы поминал...
Когда же забрезжил лучами рассвет,
Крестьяне селом овладели
И, забывши утеху недавних побед,
Над смертью Никиты скорбели.
Пугачев уже днем прискакал
И набрав из крестьян конницу,
Зычно ей прокричал:
— На Гурьевскую станицу!



ПИСЬМО ПОЭТА ЭД. БАГРИЦКОГО

КОЛЕ КОПЫЛЬЦОВУ

Дорогой Коля!

Я прочел твои стихи. По-моему, это очень неплохо. Я не исправлял их потому, что считал самым важным свободный ход твоей творческой мысли. Если ты серьезно займешься поэзией (а поэзия — это такая же наука, как и математика, география и т. д.), ты сам увидишь недостатки. Желательно бы посмотреть другие твои стихи: о школе, о событиях, происходящих вокруг тебя, о себе.

„Смерть Никиты Правдухина" — хороши яркостью сюжета и стремительностью стиха. Ты не ищешь закостенелых форм, вычитанных из книг, ты стараешься даже историческую тему рассказать своим, сегодняшним языком. Это хорошо.

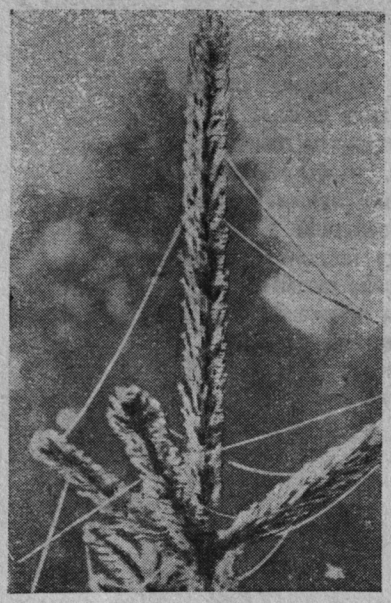
Больше внимания обрати на рифмы, например, конница и станица не рифмуются. Если ты это сделал нарочно, это нехорошо, потому что не замыкает стихотворения. Старайся писать сжатей, где мысль и образ можно вложить в 4 строчки — не пиши 10. Вот и все. Посылай нам все, что напишешь.

ЭД. БАГРИЦКИЙ

ПЕРВЫЕ ТКАЧИ

Отвращение к пауку может служить лишь признаком тупости, малодушия, слабости и презрения к его чудной работе.
Муфе, 1634 г.

Рассказ и фото Михаила Пришвина



Елочка, на которой жил паук и откуда по сигнальной паутине узнавал о событиях в своей ловушке, была очень похожа на радиостанцию

Предсказатели погоды

Ночевал я вместе с хозяйским сыном Сережей в сенном сарае, стоящем у самой вырубки, на которой я наблюдал жизнь лесных ткачей—тенетных пауков с крестом на своем боченке. Сверкала отдаленная молния, и через щелки сарая сквозь мои закрытые веки этот свет молнии начинал в моей голове нелепые повести. Так между прочим снилось мне, будто люди додумались использовать для чего-то паутину и, чтобы в ночное время заставить пауков работать поспешней, осветили леса прожекторами.

Рано утром, до восхода, пришла к сараю мать Сережи, Домна Ивановна, стала его будить:

— Молотить пора, вставай, Серега!

— Работают ли пауки? — спросил я.

Хозяйка моя уже приучена и заинтересована моими наблюдениями. Через короткое время она отвечает:

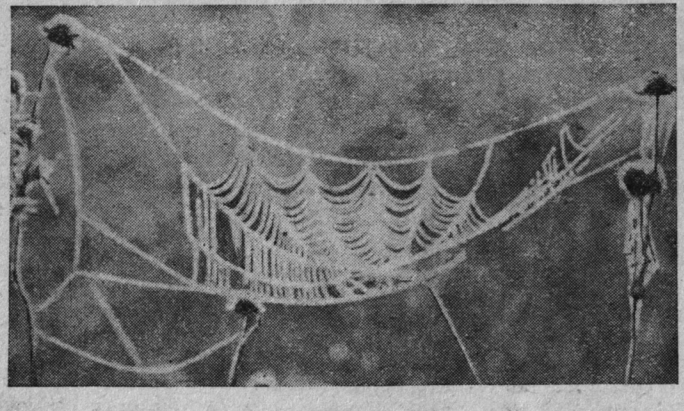
— Плохо.

— Ну плохо же, — говорю я, — верно быть опять дождю, а ведь гумно-то у вас некрытое.

— Ничего не поделаешь, Михайло Михайлович, старой муки и на колобок не осталось, — ответила Домна Ивановна, — помолотим, сколько успеем, а там будет видно.

Сережа слез, оправился и пошел молотить.

Выйдя из сарая, я увидел в небе борьбу света с темными облаками. Впечатление оставалось такое же, как у Домны Ивановны, — что солнце может еще победить. Тоже и обильная роса как будто предсказывала солнечный день. Но к моему большому огорчению на вчерашнем месте не только не было новых сетей, но и старые куда-то исчезли.



Между лиловыми цветами был раскинут самый грандиозный в мире гамак и сверкал всеми цветами радуги

Солнце выглянуло

После часовой борьбы с тучами солнце как будто осилило. И вот вдруг при ярком солнечном свете на недавно обсеянном поле я обратил внимание, как выходила из-под земли рожь. Каждый стебель был красный до самой земли, а верхушка зеленая, и на ней висела громадная, прямо в брусничину, капля росы, — маленькое сверкающее солнце. Когда я все это прикинул на-глаз, мне явилась картина войска в красных рубашках с зелеными ружьями и сверкающим у каждого красноармейца на кончике штыка солнцем, и я забыл своих пауков. Не обращая никакого внимания на грязь, я улегся на живот и пробовал на разные лады снять эти красные всходы. Но не ладилось это у меня, потому что желтый светофильтр слабее, чем глаз, разделял цвет черной земли, красных рубашек и зеленых штыков. Однако я сторонник того, что невозможность можно победить особенной придумкой, и потому, отложив надежду на возможность снять поле именно теперь, я сел на бревно и стал думать.

Все время, пока я занимался озимью, бормотал осенний тетерев, вероятно старый, и вслед за ним, смешно подражая, учился молодой. Мысли мои спокойно текли под мерное бормотанье, и вдруг тетерева так резко оборвали свою песню, что я поднял голову и огляделся вокруг. Тоже сразу затихли и журавли на пойме. Простая сорока крикнула не по-сорочьи, а вроде как бы галочкой и тем выдала свою воронью природу. Но самое главное поразило меня, что ястреб-тетеревятник, летевший прямо, как по шнуру, вдруг без всякого повода переменил весь свой план и круто свернул в сторону. Стало чрезвычайно тихо, душно, раздумчиво, как бывает всегда перед грозой. События в атмосфере нарастали с такой быстротой, что я едва имел время, чтобы спрятать камеру в кожаный чехол, перебежать озимое поле, вырубку и устроиться от дождя под большой непроницаемой елью на опушке большого леса.

Быстрая перемена погоды напомнила мне, что пауки в эту ночь не работали. Замечательные предсказатели погоды! Вчера я вычитал много интересного о пауках. В 1794 г., рассказано у Брэма, предводитель французской революционной армии Пишегрю, пришел к убеждению, что против затопленной Голландии ничего не поделаешь, и потому готов был уже дать приказ об отступлении. В этом затруднительном положении он получил известие от попавшего в плен к голландцам генера Кирмер Д'Ижонвель, будто пауки предсказывают через десять дней наступление морозов. Пишегрю выждал это время, морозы действительно наступили, и армия беспрепятственно по льду прошла до самого Амстердама.

Похоже на сказку, и не верится, потому что слишком велик срок: десять дней!

Сорок грехов

Этой весной пришли ко мне с улицы какие-то дети и позвали меня снимать найденное ими гнездо совы. Дети торопили меня, потому что кто-то из других мальчиков видел, как они вынимали совят, и значит он может рассказать другим ребятам, те прибегут и растерзают птиц.

— За что растерзают, какие это дети?—спросил я.

— Хулиганы, — ответили просто эти дети, имеющие уважение к моей фотокамере.

Ребятишки оказались правы. Мы застали в живых только одного совенка, остальные лежали с оторванными головами. Дети-разбойники стали уверять меня, что так и надо, что сова это вредная птица, и они сделали хорошее дело. На самом же деле сова одна из самых полезнейших птиц.

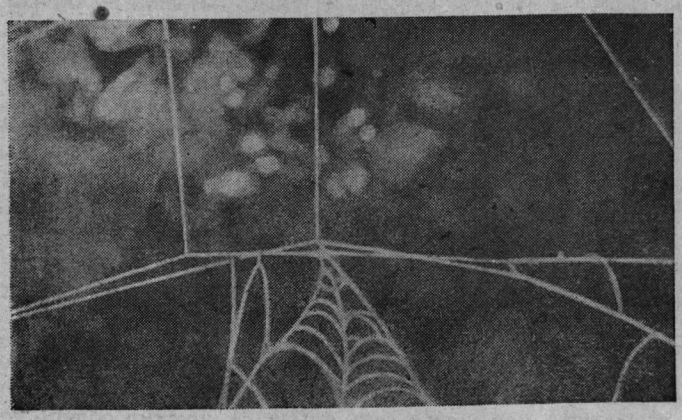
Откуда дети-разбойники взяли, что сова вредная птица? За что из козла делают чорта, из осла, очень полезного и неглупого животного, такого дурака, что везде и всюду бранятся ослом? И когда на лучезарную паутину насядет в человеческом жилище отвратительная человеческая пыль, то паука давят, скидывая себе со счета сорок грехов. И я, мальчишка, бывало по примеру взрослых везде давил пауков с полным и приятным убеждением, что за каждого паука мне простится сорок грехов. Помню, как у матери дыню украл, с'ел, мучился и от поноса и от греха, но от греха только до тех пор, пока не нашел паука и не раздавил его.

Весь мир животных опутан злыми легендами. Паук ловит вреднейших мух, и за то он «кровопивец». На самом деле паук достает себе пропитание с великим трудом, он просто бедный ткач по своей профессии, но кроме того великий артист. И я очень был бы рад, если бы он кроме того, как многие думают, являлся еще и предсказателем погоды.

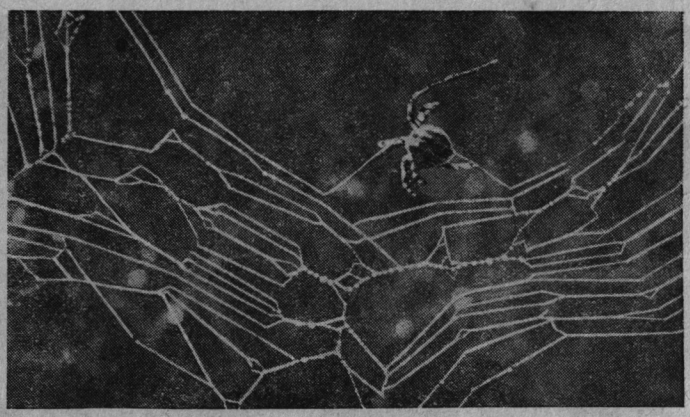
Так думал я под елкой, а между тем дождь перешел в о к л а д н о й, и мне очень надоело без дела сидеть. Я вылез из-под елки и пошел домой, не обращая внимания на дождик. В деревне застал я переполох. Решительно все обманулись погодой и теперь с ругательством, мокрые, возвращались домой. Увидев свою хозяйку, я сказал:

— Вот видите, Домна Ивановна, пауки-то, оказывается, умней нас, ведь только редкий из них сегодня вышел на работу, голодный или глупый, а люди все до одного обманулись. Пауки-то, выходит, больше человека знают!

— А как же? — ответила Домна Ивановна и суеверно впилась в меня своими маленькими, как муравьиные головки, глазами.



Сооружения паутинных мостов иногда бывали на точно таких же фермах, как и наши инженерные мосты



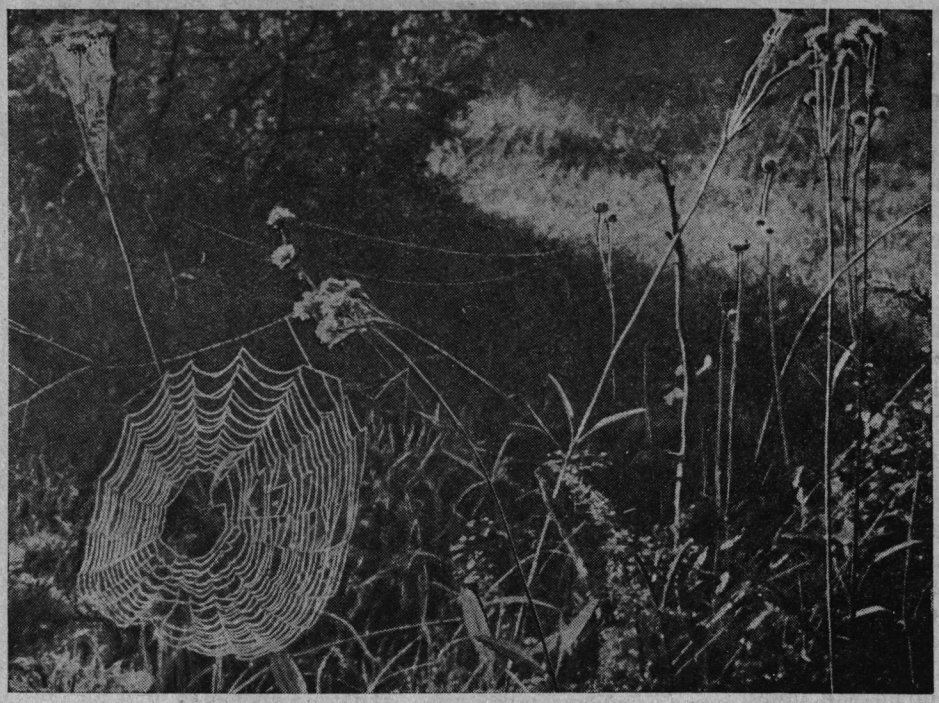
Избранная мною большая паучиха почему-то не успела закончить сеть в предрассветный час и теперь, хотя роса еще далеко не сошла, продолжала

В сказочном городе

Проходят моросливые дни начала сентября в напрасном ожидании светозарного утра. Рожь совершенно вышла из краски, на всех полосах теперь зелено, и на нежную озимь теперь все летит и выходит из леса: вальдшнепы выкрадываются из мелятника и в рыхлую землю запускают свои длинные носы, зайцы обратили внимание на зелень и начали ходить по ночам, днем большими стаями летят сюда лесные голуби и дрозды-рябинники.

Так изо дня в день моросило, и вот пришел наконец один погожий вечер. В деревне сильно пахло овинами. Оранжевая заря задержалась, и на ней силуэтами долго оставались жалкие избушки, овины, лозины. Над черным бором появился серпик месяца, довольно уже толстенький. Под самый конец за луга пробрался белый, низкий плотный туман, и начались прохладная, сильно звездная ночь. В своем сенном сарае, просыпаясь время от времени, я вижу через щелки звезды и очень им радуюсь, предчувствуя светозарное утро. На самом первом рассвете я вышел, сел на бревно возле сарая и с этого спокойного места начал следить за удивительными переменами. Много прошло всего, пока наконец внизу зашевелился вчерашний плотный туман, тихонечко стал ползти, подниматься, подниматься и встал. Потом, как это часто бывает в болотах, туман свернулся и остался на небе одной цветной, белой с кремовым или розовым оттенком радугой, ничуть не мешая солнечным лучам. На восходе забормотали осенние тетерева, закричали журавли, застонала желна. Собака моя вздумала пробежаться и вернулась слепая от закрывшей всю ее голову паутины. Все цветки на лугу были связаны паутиной, и между большими непременно висело зеркало, но самые лучшие, самые большие сети были повыше, подвешенные к сучьям деревьев. На большинстве этих сетей капельки росы сливались между собой и оттого все кружево светилось жемчужно-матовым светом. А когда луч солнца долго побыл на матовой нити, то капельки отделялись одна от одной и начинали сверкать радужно, как алмазы, всеми цветами. Как в сказочном городе, весь воздух вокруг был изрезан жемчужными проводами; там разукрашенная елочка высилась, как кружевная радиостанция; там прямая линия провода отлично сочеталась с хаотической красотой лохматого можжевельника; там воздушный мост с инженерными фермами соединял вершину маленькой ели с сосной.

Но у меня была забота о деле: через какой-нибудь час роса высохнет, все исчезнет бесследно. Тогда быстро схватился я за свою камеру и принялся снимать, наблюдать и записывать.



Сигнальная паутина шла к телефонной станции из засохшего листика

МОИ НАБЛЮДЕНИЯ

Телефонная станция

Разглядывая первую воздушную ловушку, я записал себе, что тенета повешены на небольшой иве, что ива эта засохла потому, что зимой заяц обглодал кружком ее кору, что сигнальная паутина от этой ловушки шла к телефонной станции из засохшего листика, что этот скорченный листик был хорошо укручен паутиной и сам хозяин был там, внутри.

Еще я заметил такое же устройство на подрезанной и от этого засохшей березке и делаю предположение, что пауки любят устраиваться на засохших деревьях вероятней всего потому, что на них больше бывает насекомых. В елках я заметил жилище паука под лапкой, сильно перетянутой паутиной, вероятно чтобы хвоинки не пропускали к нему большого дождя. Точно так же было устроено и в можжевельниках. Внизу, вверху, по сторонам—всюду вокруг меня висели кружева и одно колесо было краше другого. Но особенно красиво было на одной березе, сухой и сплошь покрытой сетями пауков-охотников. Я пробовал это снимать, но если стоять прямо на солнце — давало ореол, а если стать в сторону, то кружева становились плохо освещенными.

Воздушный мост

Еще я видел, как один паук, несмотря на росу, стал доделывать сеть и вслед за этим пауком вышли там и тут другие, чтобы хватать добычу, иные строить сети. На моих глазах один паук спустился вниз с большой высоты и стал раскачиваться, как маятник, все выше и выше, пока наконец не достиг одной маленькой елочки и не соединил обе, высокую и низкую, прочным мостом. В недоумении стоял я между небольшими елками, соединенными мостом, совершенно горизонтальным, в двадцать шагов. Не было вблизи ни одного большого дерева, спустившись с которого паук мог бы раскачиваться и так мало-помалу соединить малые елки. Осталось согласиться с тем, что приходилось читать: паук будто бы пускает паутину по ветру, и она сама прицепляется, а потом он бежит по ней и укрепляет. Говорят, будто иной раз паук сам летит по ветру на своей паутине и так переселяется.

Чем больше высыхала роса и разогревался воздух, тем больше летало насекомых, и общая работа пауков казалась все грандиозней, к тому же и я сам все больше и больше входил в работу, принимая близко к сердцу этот мало известный мир, пока наконец не стало так, будто я переселился на другую планету, где живут одни пауки да летающие насекомы.

Так обошел я всю вырубку, как большое хозяйство, и усталый сел отдохнуть на пенек.

Конечно и вокруг меня тут всюду работали пауки, и я стал наблюдать одного крупного, раскинувшего сеть между елкой в метр высоты и такою же маленькой сосной.

На той же елочке почти рядом, но с другой стороны, работал другой паук, очень маленький, повидимому самец, а крупный паук по всей вероятности был самка. Случайно они так устроились поблизости или так у них принято?

Работа паука

Предполагаю, что самая усиленная работа у пауков над постройкой сетей бывает в предрассветный час, еще до росы, когда всем паукам, даже глупым, известно, что наступает большой ловчий день. Избранная мною для наблюдения большая паучиха по какой-то причине не успела закончить свою сеть до росы и теперь продолжала присоединять одно кольцо за другим. В лупу мне были хорошо видны все восемь глаз, четыре большие средние и по паре боковых. Неужели паук не видел меня? Скорей всего, думаю, видел, но относился ко мне приблизительно так же, как я к солнцу, которое тоже очень внимательно смотрело на мою работу, а мне и в голову не приходило, что солнце может интересоваться фотографией. Если отбросить многочисленные детали, то работа паука казалась проста: одной ногой он притягивал к себе паутину, к которой должна была быть приставлена новая, другою подхватывал свежий материал и — тюк!— той ногой с новым липким материалом в то место, которое притянул другой ногой. Тюк! — и новая паутина начинала жить как часть плетенья ловушки. Тюк! — волшебно-грациозный бросок, и лапка паука дальше плетет, как челнок в рыбацкой сети, как цевка на ткацком станке.

Иногда легкое дуновение ветерка колебало сеть, и паук не совсем точно на желаемом месте скреплял сеть, иногда мельчайшее насекомое, пролетая, задевало, и мало ли что, вероятно и я сам колебал немного паутину своим дыханием. От всего этого работа у паука выходила не машинная, а неровная, как ручная и художественная, как все в природе: ведь там ни один листик точно не сложится с другим.

Увлекаясь наблюдением, я упустил солнце, которое вначале освещало всю сеть, и мне так легко бы можно было снять плетущего сеть паука. Я упустил солнце за дерево, и освещенным остался только один сегмент наверху. Работающий паук, описывая круг, непременно

должен был вернуться к этому месту. Я туда, на освещенный сегмент, навел свой аппарат и стал дожидаться, будучи сам лишь в восьми сантиметрах от сети. Вероятно я сам как-нибудь нечаянно задел сеть. Паук вдруг бросил работу, убежал очень быстро и скрылся в глубине своей телефонной станции. Почему же он не принял моего толчка за обыкновенный, получаемый от летящего насекомого? Полагаю, он видел меня, как я видел солнце, и не боялся, пока я не тронул самое сеть. Возможно, паук и по характеру толчка хорошо знал, что не добыча, а я дотронулся.

Сеть в 2 часа

Другой паук, очень маленький, которого я считаю за самца, работал на неосвещенном месте, и потому вместо снимания с часами в руках я стал следить, во сколько времени делает он оборот. Измерив приблизительно сеть и грубо рассчитав длину всей паутины, я получил странную цифру: выходило, будто бы паук сеть величиной в двадцать сантиметров в диаметре может сплести в два часа.

Вернувшись после вычисления к первому большому пауку, я увидел в центре ловушки дурную муху, большую, серую с зеленой головой, от укуса которой у меня вздувается кожа, как после пчелы. Выпуская из себя массу паутины без всякого расчета, лишь бы побольше, паук опутал ее так, что она стала белая, сделал свой обычный парализующий укол, потом схватил и быстро повлек добычу к себе на телефонную станцию. Минут через пятнадцать он вернулся без мухи и продолжал свою работу над сетью. К счастью луч, солнца в это время упал как раз на него, и я сделал несколько моментальных снимков с таким чувством, как будто бы мне за это на том свете простится сорок грехов.

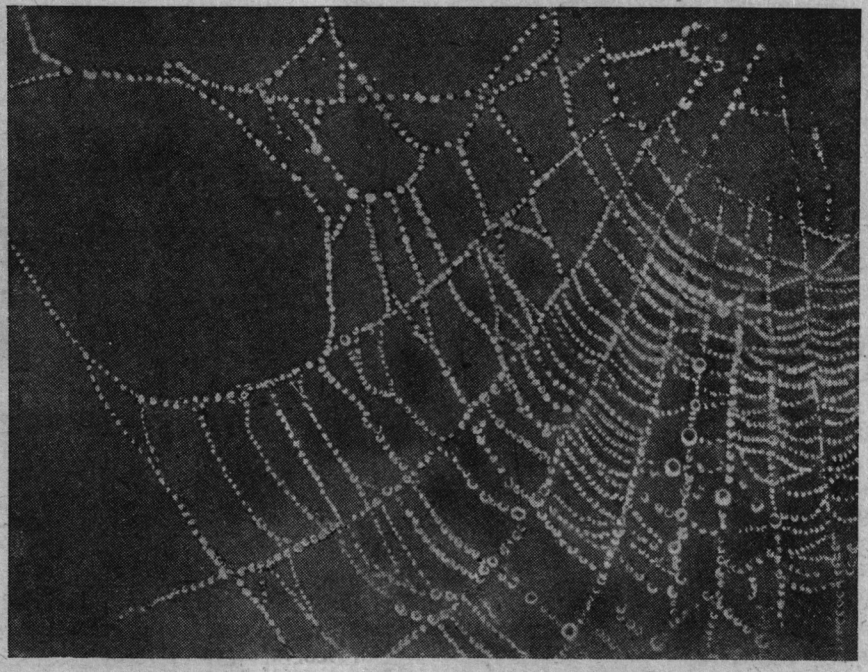
Еще я видел в это утро, как одна паучиха заделывала на зиму яички в какой-то желтый пушок. Мне было известно, что при наступлении холодов паучиха должна умереть, а яички в теплом одеянии, сделанном матерью, перезимуют и на будущий год, линяя все лето, создадут к осени вместе с другими такое же самое жемчужно-росистое утро.

Иногда легкое дуновение ветерка колебало сеть, и паук не совсем точно на желаемом месте скреплял концы. От этого работа паука выходила неровная, как ручная, художественная

Ловушки-невидимки

Скоро солнце расправилось с росой окончательно, и когда я захотел проверить свои замеченные пройденные ловушки, то ничего не мог увидеть ни на ветвях, ни на земле. Роса высохла, и сказочное паучное царство стало невидимым. Как Руслан, метался я туда и сюда в заколдованном царстве, стараясь сбить с Людмилы шапку-невидимку: часто паутина неприятно щекотала мне лицо, и я знал, что все тут на месте, но только видеть это я больше уже не могу.

Так вот живут люди в своей душной пыльной комнате. В уголке где-нибудь присоединился паук, раскинул сеть и ловит вреднейших мух. Между тем пыль все больше и больше садится на его паутину. Вот стало заметно, увидела хозяйка, смахнула паутину, а паука с отвращением раздавила. Но нет, я не вступаюсь за паука до того, чтобы позволять ему развешивать в комнатах грязную паутину. Я хочу только сказать, что паутина в комнате стала грязной и отвратительной только потому, что на нее насела пыль, что пыль эта— грех самой хозяйки, она свои сорок грехов сваливает на бедного труженика, артиста-ткача, ни в чем неповинного паука.



На тончайшие, еле видимые тайные нити при восходе солнца садится роса, и тогда каждая паутина становится нитью удивительного жемчуга

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА

В 1928 г. в редакцию пришел работать новый художник, большой мастер, профессор Художественно-технического института Николай Николаевик Купреянов.

Николай Николаевич привел с собой целую стайку молодежи, талантливых художников — своих учеников. Тогда они еще только кончали учиться, сейчас многие из них стали большими мастерами.

Впрочем настоящие художники никогда не кончают учиться. Продолжал учиться и сам Николай Николаевич, продолжают учиться и его мастера-ученики.

Дружным веселым коллективом работали над журналом молодые художники. Вечерами, когда кончалась дневная сутолока, они собирались в подвале под Домом детской книги на Тверской и там до поздней ночи рисовали с натуры, спорили над рисунками и обложками журнала. В подвале устраивались выставки, слушались доклады.

Николай Николаевич любил ездить по стране. Года два тому назад он поехал на рыбные промыслы к Каспийскому морю. На путине был прорыв. Николай Николаевич с головой ушел в работу. Он выезжал с рыбаками в море, делал доклады на собраниях, выпускал стенгазеты и рисовал, рисовал, жадно рисовал все, что видел.

Он приехал в Москву бодрый и загорелый и привез с собою рыб, рыбаков и запах моря. Все это было в его рисунках. Каспийские рыбаки — тюрки и персы — держали за жабры сазанов и осетров. Нужно иметь особенный глаз и особенную руку, чтобы заставить нас в Москве не только увидеть этих рыбаков, но и ощутить соленый запах Каспийского моря.

Откуда бы ни приехал Николай Николаевич, он с собой привозил часть той страны, того уголка земли, где он побывал. Для выставки 15-летия Красной армии он рисовал военные корабли и моряков. Одну из этих морских литографий мы поместили в этом номере на первой странице. Из Гамбурга, где он был несколько лет тому назад, он привез нам удивительный Гамбургский порт, притихшие во время забастовки улицы, по которым мы как будто слышим топанье полицейских сапог. Эти рисунки мы также поместили в этом номере нашего журнала.

Здесь на фотографии он снят с кошкой. Он очень любил кошек и вообще всяких животных, даже крыс. У него в комнате в клетке жили две ручных коричневых крысы, и он очень любил дразнить ими пугливых людей. Он любил рисовать животных и гордился тем, что у него хорошо получались коровы, он иногда шутя называл себя «коровьим художником».

Как-то он поймал мышь, посадил ее в клетку и, сидя перед клеткой, изрисовал большие листы бумаги, лист за листом. Десятки рисунков он сделал с одной мыши. Эти листы мы нашли, разбирая оставшиеся после него рисунки. Так он работал.

Во время своих поездок он вел дневники, особые дневники с рисунками. Мы перелистывали страницы его заграничных дневников и видели старинные дома Нюренберга, огромные краны Гамбургского порта, уличную жизнь Германии и Италии. На страницах его дневников оставались виденные им люди, города, жизнь, которую он умел наблюдать.

После долгого перерыва в июне 1933 г. он снова пришел в журнал, как и пять лет назад, и начал работать энергично, с большим под'емом. Ему не пришлось проработать и двух месяцев. 29 июля он утонул купаясь. Мы потеряли большого художника, хорошего товарища, детская литература потеряла одного из лучших своих ударников.

Б. Ивантер

Это страницы из дневника Николая Николаевича, когда он был на Каспийском море

НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА КУПРЕЯНОВА

Он был лет на десять-одиннадцать старше нас. Но ни он, ни мы не ощущали этого. Он был удивительно молод всем своим существом, он еще более молодел в работе с нами.

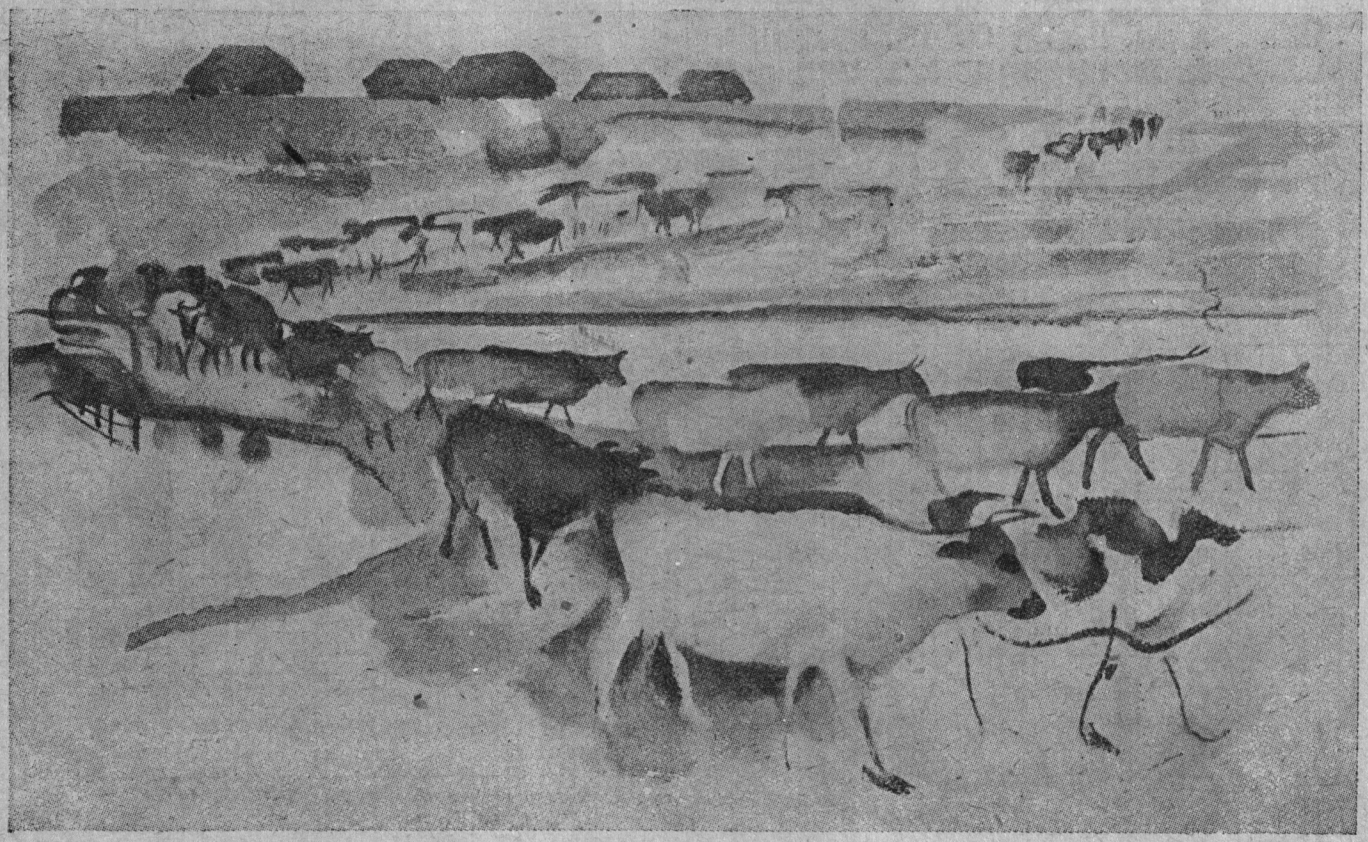
Он принес в «Пионер», в детскую книгу искусство большого художника, вкус и знание очень умного, очень культурного и образованного человека. Мы знали его как замечательного художника, как громадного мастера рисунка; художников-графиков такой величины можно во всем СССР насчитать лишь двух-трех!

Всякое подлинное искусство требовательно, придирчиво. Николай Николаевич Купреянов, человек большого искусства, был придирчив к себе и требователен к другим. Слово его было метким и острым, веселым и злым. И каждому из нас крепко доставалось, когда он начинал вышучивать наши промахи.

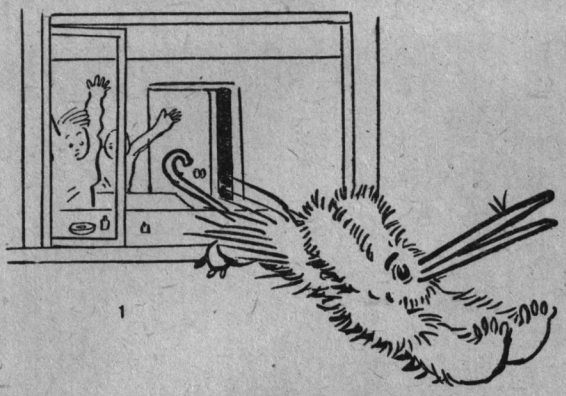
Он был человеком неиссякаемой, часто озорной выдумки. Он забавно разрисовывал стены редакции, сочинял, наклеивал уморительные об'явления, произносил высокопарно шуточные изречения. И никто не удивлялся, если на столе редакции подпрыгивал очень высокий худой человек в спортивных шароварах и заглядывал через стеклянный верх перегородки в соседнюю комнату. Это Николай Николаевич, заперев на ключ молодого, но ленивого автора, не выпускал его, пока тот не выполнит задания, подсматривал, делает ли заключенный подписи к рисункам, которые нужно сдать в ближайший номер журнала.

Он не терпел халтуры и везде, всегда, во всем работал в полную силу. Он читал, изучал, смотрел, ездил. Он был в Италии, он ездил к каспийским рыбакам, гостил у черноморских краснофлотцев. Он был очень, очень нужен нам. Мы все его здорово любили, хотя говорить ему об этом стеснялись. Еще высмеял бы!..

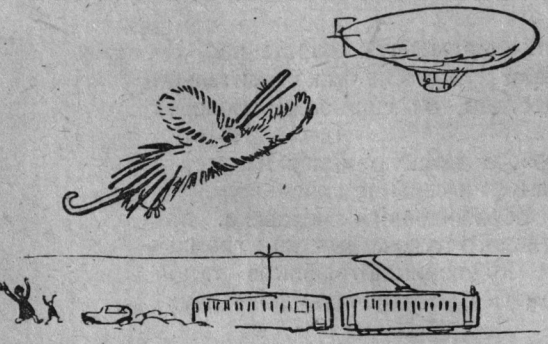
Л. КАССИЛЬ



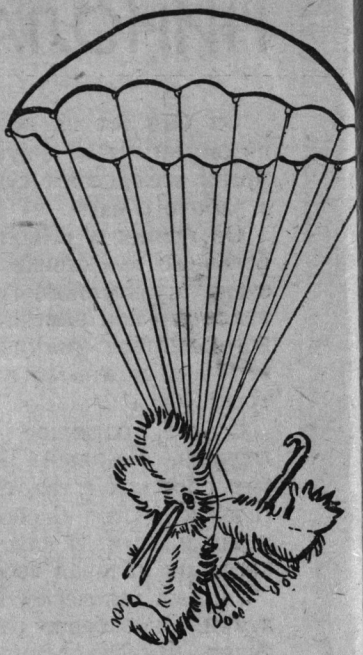
ТУТ-ИТАМ УБЕГАЕТ ИЗ РЕДАКЦИИ



1



2



3

Испугавшись гибридов, Тут-Итам так стремительно выскочил из окна редакции, что мы только руками развели. Ив. Игнатьич же, член редколлегии, 32 лет, которого даже октябрята зовут просто Ваней, злорадно усмехнулся.

— Я,—сказал он.—всегда говорил вам, что этот зверь будет позорить редакцию и что не стоило его заводить.

Тут все стали возражать, говорить, что зверь хороший. А Ваня показывает пальцем в окошко и говорит: «Смотрите, что ваш хороший делает». Смотрим, действительно позорит Тут-Итам нашу редакцию. Летит по небу, да и только. Ну, понятно, такой зверь попал на улицу, растерялся: народ толкается, кричит, удивляется, автомобили гудят, тут залетаешь даже без крыльев.

Мы говорим художнику Каневскому.

— Конь,—говорим мы ему, называя его так для краткости,— Конь, ты его нарисовал, так ты его и поймай

Ну, а где его поймаешь, раз он в небе. Конь, он ведь тоже художник, а не вертолет. Но все-таки вышел Конь на улицу, видит, что Тут-Итам за дирижабль хватается. Что с ним было на дирижабле, нам неизвестно. Но, прибежав на аэродром, Конь увидел, что Тут-Итам спускается на парашюте.

— Попался, голубчик, — сказал Конь, подпрыгивая на аэродроме и хлопая в ладоши. — Сейчас я тебя...

Но не тут-то было. Сильный ветер стал относить легкого Тут-Итама с парашютом по направлению к северу, к городу Загорску.

Конь моментально на поезд и через два часа там.

— Не видели,—спрашивает,—моего Тут-Итама?

— Видели, — говорят, — вот на лугу за лесом.

А на лугу за лесом писатель М. М. Пришвин охотился и пауков снимал своей фотокамерой «Лейка». Только он нацелился снять красивую большую паутину, вдруг Тут-Итам в эту паутину с парашютом и сядь. Конечно неприятность. Михаил Михайлович руки поднял, бежит. Некультурно, говорит, паутину рвать, что, говорит, за манера, это, говорит, неправильно, и очень рассердился. А собак у него пять. Они не очень понимают, что такое культурность, но видят дичь да как припустят. Бедный Тут-Итам, как он бежал! Но он один, а собак пять и все лают. Тут-Итам увидел Коня, прямо к нему и сел на плечи. А собаки, конечно, прыгают вокруг, лают, Каневскому брюки рвут и икры кусают. Кусали они его пока Михаил Михайлович не подошел и не унял собак. Об'яснились они сначала довольно крепко, а потом поздоровались.

— Извиняюсь,—говорит А. Каневский,—тут мой зверь вам паутину испортил.

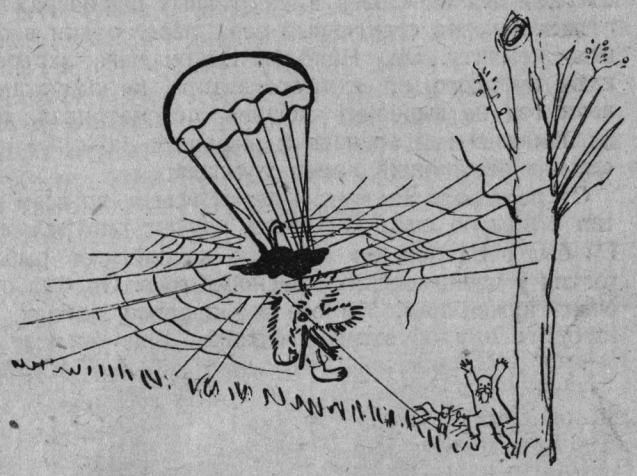
— Ничего,—говорит М. Пришвин,—зато мои собаки вам брюки разорвали.

Тут-Итам, конечно, виноват себя чувствует и за Коня прячется. Попили они чаю, и привел Каневский Тут-Итама обратно в редакцию. А Ваня и говорит:

— Я вам сказал, опозорит он журнал, вот и получилось.

Случился тут А. Кассиль, писатель.

— Ну-ну,—говорит он,—вы не очень. Просто молодого зверенка, хотя бы и Тут-Итама, нельзя выпускать одного. Беру его с собой гулять по Москве. И в следующем номере обязуюсь рассказать, что мы видели.



4

5

7

8

Кабинет доктора Звенового

Я только что начал прием, как в кабинет пулей влетел пациент.

Кепка пациента была сдвинута на затылок, козырек смотрел в потолок. Концы пионерского галстука, как красные языки пламени, развевались по ветру.

— Постойте, постойте, — сказал я пациенту, — первый раз вижу такого бойкого больного... Садитесь! Что у вас болит?

— У меня? Болит?! — удивился пациент. — У меня ничего не...

— Зачем же вы пришли?

— Видите ли, сейчас у меня ничего не болит, но я боюсь, что у меня может заболеть... звено. Знаете, разные болезни бывают: скука, лень, ну и...

— Ага, понимаю! Звено не работает? — и я пошел было к столу, чтобы написать рецепт.

— Да нет же, нет! Наше звено «Красный летчик» хорошо работает! Мы помогали колхозу убирать урожай, делали модели аэропланов, подготовили и поставили пьесу ко дню авиации, провели поход и т. д., нас два раза премировали — колхоз и совет лагеря...

— Тогда чего же вы от меня хотите?

— Совета, доктор! Лето кончилось. Из лагеря мы приехали. В школе начались занятия. Что же сейчас делать нашему звену?

— Понял! — воскликнул я с облегчением. — Итак, ваше звено не знает, что надо теперь делать?

— Во-во, оно самое! — обрадовался пациент.

— Ничего нет проще.

Я написал рецепт:

«С первого же дня учебы бороться за хорошее качество учебы и сознательную дисциплину.

Весело и организованно проводить досуг.

Ту часть летней работы, которую можно проводить и зимой, проводить, привлекая побольше неорганизованных».

Вожатый прочел рецепт и с недоумением смотрел на меня.

— Все, — сказал я, — можете итти.

— Но, доктор, я избран вожатым звена только в лагере. Я... я боюсь, что не сумею как следует воспользоваться вашим рецептом.

— Ага, вот в чем дело! Ну это не страшно. Вспомните, что плохого было у вас в группе в прошлом году?

Пионер стал вспоминать.

— В прошлом году? Было два прогульщика... и еще четверо ребят почти ежедневно опаздывали в школу. Среди них один... пионер.

— Так вот, в этом году не должно быть ни одного прогульщика и ни одного опоздания. Сделать это очень просто: на сборе звена надо поручить отдельным пионерам заходить за теми ребятами, которые будут опаздывать. Еще что?

— Еще к концу прошлого учебного года было человек пять отстающих. С ними нам пришлось здорово повозиться. Один так и остался на второй год...

— Тяжелый случай заболевания! Чтобы избежать таких случаев и в этом году, надо через учебный сектор ДСУ с первых же дней учебы выявлять слабых ребят, тех, которые не отстали еще, но могут отстать, если им сразу же не помочь. Узнать таких ребят легко: они путают, отвечая у доски, с трудом решают задачи, не успевают прорабатывать всего материала. К этим ребятам сразу же надо прикрепить сильных учеников-ударников.

— Это мы сделаем! — воскликнул пациент и стал вспоминать, что было еще плохого.

Я пришел к нему на помощь:

— Может быть в прошлом году у вас было твердое расписание занятий, но...

— К сожалению, не всегда! — перебил пациент. — Иногда мы, идя в школу, не знали, какие будут уроки.

— В этом году надо добиться, чтобы было твердое расписание, — сказал я. — Но этого мало, надо, чтобы все ребята хорошо с ним были знакомы. Для этого надо вывесить расписание в классе и предложить всем переписать его в тетрадки. Кроме того надо, чтобы у каждого ученика дома, над столом, за которым он занимается, тоже висело расписание. Многие ребята по рассеянности забудут записать в свою тетрадь расписание и тем более вывесить дома на стенке. Значит звену надо все это проверить.

— Проверить по тетрадям и пойти по домам?

— Вот именно.

— Разве это так важно, если у кого и не будет расписания?

— Очень важно! Он не подготовится к занятиям раз, другой, и вот вам больной, отстающий.

— Хорошо, непременно проделаю все это!

КИТАЙСКИЕ ПЯТНАШКИ

Надо сделать перемены веселыми... Обычно в перемены играют в городки, волейбол, зимой в снежки, катаются на салазках. Я могу рекомендовать рецепт хорошей игры в пятнашки.

— Пятнашки? Да их же все знают. Скучно! — скажете вы.

— Тогда играйте в китайские, в турецкие и индийские пятнашки.

В китайские играют так: если вас догоняет водящий, то вы можете особенно не стараться убежать от него. Достаточно поднять ногу, пропустить через нее руку и ухватить себя за нос, как он уже не имеет права вас салить. Но при этом важно сохранить равновесие. Если вы упали, вас могут салить. Водящий конечно не имеет права

толкаться. Но стоять и выжидать, пока вы потеряете равновесие, он может.

В турецких правила игры те же, только надо сесть на землю, по-турецки скрестив ноги.

В индийские — просто присесть и упереться ладонями в землю.

Цена 25 коп.

ЗВЕНОВОЙ И ВЕРЕВКА

Пришел ко мне на прием другой вожатый звена и говорит:

— Знаете, доктор Звеновой, скучные что-то у меня ребята в звене. Прямо не знаю, что с ними делать... Посоветуйте.

— А может,—говорю я,—не ребята скучные, а ты сам скуку на ребят нагоняешь?

Вожатый даже обиделся.

— Как это,—говорит,—я скучный? Да разве из скучных ребят можно сделать хорошее звено? Вон видите, валяется кусок веревки. Так же, как из него ничего интересного нельзя сделать, так и из моих ребят хорошего звена не выйдет...

— Ну тут все дело в вожатом: хороший вожатый из каких угодно ребят хорошее звено сделает. А веревку ты напрасно ругал. Подержи ее конец...

Несколькими петлями я сделал из веревки цепь. Один конец держал вожатый, другой я.

— Тяни, — говорю вожатому.

Тот потянул.

— Покрепче!

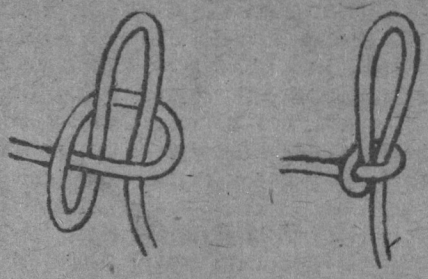
— Ничего не выходит, петли на веревке крепкие.

— А ну,—говорю,—еще раз потяни.

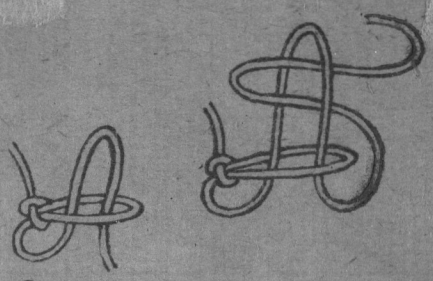
Вожатый потянул — вдруг петли распустились и вожатый со всего размаху сел.

— Вот видишь,— говорю,— веревка тебе урок дала. Хороший вожатый крепко держит всех ребят в звене, а плохой быстро распускает. Все от вожатого зависит...

А узлы на веревке сделать вот так:

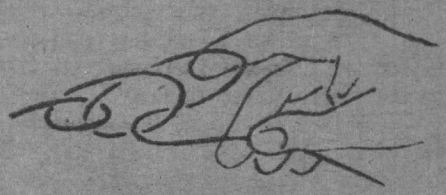


1 узел. Его надо затянуть. Получается вот что:



Затем вы делаете бесконечную цепь.

Сделайте такую цепь до конца веревки. Конец держите так: большой и средний пальцы держат кончик веревки, а указательный придерживает последний завиток веревки. Тогда все петли на веревке держатся крепко. Но стоит лишь вынуть указательный палец из последней петли и сильно ее дернуть, как все петли распускаются.



ЗОРКИЙ ГЛАЗ

Силуэт

Попробуй составить из этих кусков силуэт животного.

Ботинок

Я купил три тетрадки в разных обложках: в красной, в синей и в желтой.

Самая толстая из тетрадей была красная, а самая тонкая—желтая.

Три месяца с лишним, не пропуская ни одного дня, я вел в этих тетрадях дневник. Я исписал все свои тетради от первой страницы до последней.

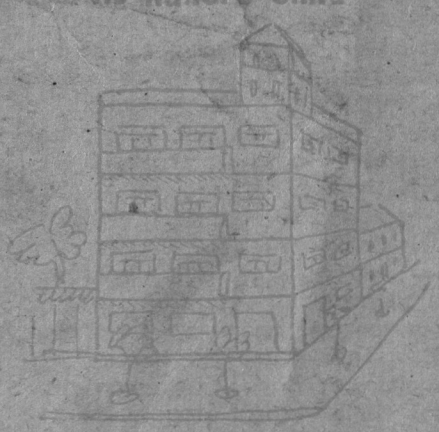
Каждый день я вписывал в дневник по одной странице.

Во всех моих тетрадях первые страницы помечены первым числом.

В каждой из тетрадей на предпоследней странице написано: „как жалко, что в прошлом году я ничего не записывал".

В какой тетради было написано мною слово „ботинок", если известно, что в тот же день я вырвал из другой тетради чистый лист бумаги?

Из какого окна



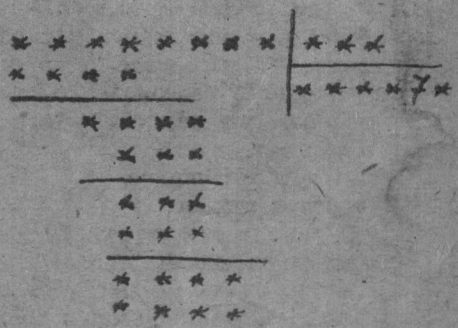
На нашей улице все дома стандартные: они в точности похожи один на другой.

Из окна своей квартиры я сфотографировал дом, который стоит напротив моего дома.

Вот что получилось.

На каком этаже я живу?

Трудная задача



Учитель разделил на доске восьмизначное число на трехзначное. После урока один из учеников провел тряпкой по доске и стер все цифры. Уцелела одна лишь семерка.

Попробуйте восстановить все цифры, написанные учителем. (Стертые цифры обозначены здесь звездочками).

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдан в набор 15/VIII—33 г., подписан к печати 5/IX—33 г. Изд. № 766 Формат 1/8 62 × 94 1 1/4 б. л. 100.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—62830 Типография газ. „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 2193 Тираж 41.700